

ПОЛЕ НАДЕЖДЫ

№3

ПОЛЕ надежды

№3 2003 г.

Журнал учрежден Антропософским Центром социальной терапии (г. Чебоксары) и выпускается силами людей с ограниченными возможностями здоровья.

Над номером работали:

редактор Александр Ильин,
корреспондент Андрей Казак,
художник Виктор Ильин,
корректор Владимир Сурков,
макет Александр Ильин, Александр Антонов.

В журнале использованы рисунки

Е.Рябинской (г.Казань) и И.Рязановой (г.Чебоксары).
На обложке — картины художника Н.В.Плошина (г.Воронеж). Редакция благодарит фотографа А.Добрынкина за оцифровку этих картин.

Адрес редакции:

428027, г.Чебоксары, ул.Хузангая, 21-78.

Телефон: 20-75-30 (В.Сурков), 20-54-35 (А.Казак)

E-mail: gurpole@mail.ru

Http:// www.gurpole.narod.ru

Истории нашего Поля

* * *

*Сронила Росинку Заря-Заряница,
Упала Росинка на чёлку цветка —
Проснулась Росинка, раскрыла ресницы
И слёзка-слезинка сквозь них протекла.
И пасть бы ей в травы, в глухие колодца,
Да выпала капле иная судьба:
Пронзил её луч восходящего Солнца —
И капля Росинка огнём расцвела!..*

**Тамара Мурунова,
г. Похвистнево**

*Пусть расцветут
ваши сердца
огнем Любви, Счастья
и Радости!*

*И вновь мы открываем для вас
страницы нашего юного журнала.
И вновь мы делаем шаг — третий
шаг — навстречу Полю Надежды.*

В этом номере:

2 «Кэмпхиллы» — эти необычные поселения существуют уже более полувека во многих странах мира. Там живут вместе здоровые и больные, взрослые и дети, там есть место почти для любого человека, каким бы он ни был. Своеобразная маленькая страна, в которой нет инвалидов — есть лишь люди с разными возможностями...

4 Преподаватели одного из художественных училищ г. Кирова не сразу узнали о том, что одному из учеников чуть сложнее учиться, чем остальным ребятам. О том, как Саша Калинин поступил в училище, как он начал рисовать и о многом другом рассказывает его мама.

6 Появление Никиты на свет сильно озадачило семью, в которой он родился. Его мама не была готова воспитывать слепо-глухого ребенка. Она хотела отнести его в приют. Но судьба повернулась иначе...

10 Самые сложные, наболевшие вопросы. Долгожданные ответы, которые необходимы как воздух тем, кто стремится понять и исполнить Слово Божие. Предлагаем встречу со священником Владимиром Капункиным, состоявшуюся в г. Кирове.

14 Молчаливые дневники, блокноты, тетрадки... Порой они знают о нас больше, чем наши родители, друзья. Ведь зачастую только белым листам мы можем доверить самое сокровенное — то, о чем, может, не узнает больше никто... Наш журнал открывает золотые страницы из заветных тетрадок читателей.

18 словно осенние листья, летят к нам почтовые конвертики. Со всех уголков страны приходят к нам ваши письма. Такие разные, такие нужные. А в них ваши теплые слова, в них ваши чувства и мечты, ваша радость и боль. В них ваши откровения.

22 Наши стихи, точно река с чистой водою, которая бежит бесконечным потоком, утоляя жажду наших сердец. Без стихов мы не представляем нашу жизнь, без стихов нам трудно представить наше творчество.

24 Эти сказки прилетели к нам из далекого Лос-Анджелеса! Представляем творчество нашего нового друга из Америки.

29 Многим ребятам из центра «Доброта и Мир» передвигаться совсем непросто. Но это не мешает им устраивать вылазки на природу, поездки в другие города, походы, а порой и находить приключения на свою голову.

32 Маленькое чудо в конце номера. Чудо, которое может случиться с каждым из вас.

— Куда мы идем?
— В страну сказок и чудес.
— Это далеко?
— Нет, совсем близко...

«Иная Даль»

МЫ совсем близко

Мальчик часто смотрел в окно на проходящих мимо людей. Он знал, что в этом мире есть много хороших людей, и они где-то совсем близко. Люди, которые никогда не обманут и не бросят, которым можно рассказать обо всем на свете... Ах, как он хотел встретиться хотя бы с одним из них! Но люди за окном по-прежнему проходили мимо. И мальчик не знал, что ему делать. Он просто закрыл глаза и будто погрузился в сон...

Вокруг него исчезли стены, растворился разноголосый шум машин. Под ногами расстелилась мягкая зеленая трава. И сквозь старенькие тапочки его ноги впервые почувствовали ее прикосновение. Вокруг росло множество цветов. Большие мохнатые бабочки кружились над головой, и теплый ветер ласково шевелил непослушные волосы... От неожиданности и радости у мальчика захватило дух, а к глазам подкатили слезы. Чтобы прогнать их, он обернулся назад. Там, совсем недалеко, горел чей-то костер, словно маленький яркий маячок. А вокруг костра сидели люди.

Сердце мальчика трепетно забило. Спокойно и уверенно он зашагал навстречу незнакомому огню. В этот миг ему стало совсем не важно, куда он попал, сон это или явь; он забыл обо всем на свете, даже о том, что каким-то чудом сейчас он умеет ходить также, как ходят за его окном люди. Что-то большее звало его туда, где горел костер. И все сильнее стучало его сердце. И все больше он чувствовал, что этот свет не обманет его ожидания. Он знал, что сердце никогда не ошибается.

И вот уже доносится звонкий смех, стали различаться голоса. Вот уже жар от костра дотягивается до его тела. Мальчик робко появился среди таких же, как он...

— Привет! — раздался веселый голос одного из ребят. — А мы тебя давно уже тут ждем.

— Оно тебя давно уже ждет, — добавил другой. — Ведь оно и твое тоже...

— Что это, мое? — удивился мальчик.

— Это — Поле Надежды...

Кэмпхиллы... Это слово, наверное, известно немногим, и особенно у нас, в России. А между тем, в мире уже более полувека существует целое движение, объединяющее эти необычные поселения. Поселения, где живут вместе здоровые и больные, взрослые и дети, где есть место для любого человека, каким бы он ни был, и где никто не чувствует себя больным и ненужным. Своеобразная маленькая страна, в которой нет инвалидов — есть лишь люди с разными возможностями.

Впервые такое поселение появилось в 1940 году в Шотландии, в поместье «Кэмпхилл», где усилиями врача, педагога и гуманиста доктора Карла Кёнига было основано первое экспериментальное лечебно-педагогическое поселение для больных детей. Представляете: мир на пороге войны, а здесь, в тихом шотландском поместье, появляется своеобразный островок детства — словно последний рубеж добра и человечности среди безумного мира, стоящего на пороге самой страшной, бесчеловечной войны...

С тех пор Кэмпхиллы стали строиться по всему миру. А в 1994 г. под Волховом (Ленинградская обл.) появилось первое подобное поселение и в России — деревня «Светлана». И все-таки, что же это такое — Кэмпхиллы? В чем заключается их необычность, особенность? Чтобы познакомиться с ними поближе, мы решили обратиться к директору Антропософского Центра социальной терапии (г.Чебоксары) В.Л. Емельянову.

Знакомьтесь: КЭМПХИЛЛЫ

— Владимир Леонидович, расскажите немного о том, что такое Кэмпхиллы.

— Кэмпхиллы — это, прежде всего, общины, сельские общины, где люди живут, работают вместе, где они сами создают друг для друга то, что им необходимо для жизни. Там общий труд, общий денежный фонд, общие праздники. Там много различных мастерских (столярных, гончарных и т.д.), где они могут работать и производить друг для друга то, в чем нуждаются. Что-то из этого потом, если нужно, может продаваться где-то в городе, а полученные средства затем можно использовать для приобретения недостающего.

— А в чем главная особенность Кэмпхиллов, что их отличает от других подобных поселений? И для чего они вообще создаются?

— Особенность Кэмпхиллов в том, что вместе со здоровыми и наравне со здоровыми там живут люди с различными нарушениями. Кэмпхиллы как раз и были созданы для того, чтобы там жили наравне и здоровые, и больные, чтобы создать такие условия и такую среду, чтобы через саму жизнь

помогать и тем, и другим. Думаю, первоначально идея была в том, чтобы таким образом помогать больным. Но потом эта идея еще более выросла: фактически, помогать всем — и больным, и здоровым, потому что, ведь помощь требуется на самом деле всем. Общение, взаимопомощь, какие-то чисто человеческие отношения, где мы просто живем друг с другом, и мы друг другу помогаем, помогаем просто, как друзья — это ведь необходимо в действительности всем. И вот для этого и создавались такие общины. Жить там можно и семьями. Можно обзаводиться семьей. И живут там люди годами, а то и десятилетиями.

— Но это, наверное, очень не просто — жить в такой общине, и особенно больным?

— Да, это очень сложно, конечно. Но не потому, что там какие-то неудобства в бытовом плане. Нет, для больных там создаются все необходимые условия, облегчающие их быт. Но, с другой стороны, представьте: община охватывает некоторую территорию — сама деревня, потом какие-то сельхозугодья, там огромный объем работы.

И в этой общине очень жесткий распорядок. Завтрак, учеба, обед, работа — все расписано. И это изо дня в день. И постоянно рядом с тобой больные, взрослые и дети. Это очень большая моральная внутренняя работа, и очень ответственная, когда, с одной стороны, у тебя полная свобода действий, ничто тебя, вообще-то, не связывает, но с другой стороны, раз ты принял это — значит, должен выполнять. Там общие праздники, там вообще много общего, но в то же время у каждого есть своя комната, каждый живет как бы в своей небольшой квартире. Там создаются все условия для людей с ограниченными возможностями, чтобы они могли жить и работать, занимаясь тем, что им интересно. Но главное, ты находишься там в единой социальной среде, как бы в такой большой семье, где все родные, близкие люди, и где, вообще-то, нет больных — есть лишь люди с разными возможностями и способностями.

— Здорово! Наверное, там люди и не чувствуют себя больными. И это им как-то помогает?

— Конечно. В этом и заключается работа с больными. В первую очередь, здесь важно само отношение к таким людям. Там каждого больного принимают таким, какой он есть. Где, хотя я и говорю — «больной», но с другой стороны, это не больной, он такой же, как и я. Т.е., главное — выработать совершенно другое отношение к больному, и к человеку вообще. И через это происходит терапевтический эффект, через это идет исцеляющее воздействие на человека. Он сам начинает

Доктор Карл Кёниг — основатель первой лечебно-педагогической общины и всего Кэмпхилл-движения. Удивительно, но за несколько послевоенных десятилетий учениками К.Кёнига и при его непосредственном участии по всему миру было создано около 70-ти Кэмпхилл-общин! Кроме того, д-р Кёниг является автором многих трудов по лечебной педагогике, эмбриологии, зоологии и других наук, в которых с необычных точек зрения рассматриваются болезни человека и возможные пути исцеления... В 2002 г. отмечалось 100 лет со дня рождения К.Кёнига.

по-другому относиться к себе, к своему положению в жизни, к своим возможностям. Он видит, что мы общаемся с ним наравне, работаем вместе — и он перестает замечать, что он больной, он живет, работает и стремится к чему-то точно также, как и я. А с другой стороны, большую роль играет чисто социальный эффект, потому что такой больной включен в социальную жизнь, он играет в общине такую же роль, как и все. Любимый человек в общине, даже если он тяжело больной, к примеру, аутист или Даун, имеет такое же право голоса, что и директор этой общины. Там все равные, различие по вертикали идет только с точки зрения обязательств. Более того, часто решения принимаются исходя из права голоса больного, т.е. больной что-то предложит — и это предложение принимается всей общиной, оно рассматривается.

— А в чем заключается терапевтический эффект, о котором вы говорили? Как вот эта жизнь в такой общине влияет на людей, и прежде всего на больных?

— Понимаете, сейчас все, что делается в медицинских и реабилитационных учреждениях — это все основывается на искусственно создаваемом, т.е. терапия оказывается за счет каких-то искусственно создаваемых средств, медикаментов и т.п. Но возможен еще и другой путь помощи — это естественный путь, когда для человека создаются такие социальные условия, такая жизненная среда, что он уже сам начинает вбирать в себя из этой среды, из этого жизненного пространства все то, что ему необходимо. И вот тогда, когда для человека создаются необходимые условия для исцеления, когда вокруг него образуется социальная-терапевтическая атмосфера (мы ее

что они хотят жить и трудиться — их никто не заставляет, но они, находясь в этом окружении, с удовольствием трудятся, с удовольствием общаются друг с другом, с удовольствием живут этой жизнью. В человеке рождается, крепнет и реализуется внутренняя воля к действию. Когда все делается с удовольствием, с интересом и любовью, тогда те качества, которые мы называем ограниченными возможностями, начинают человеком как бы отодвигаться на второй план. Он их уже не замечает! В этом человеке вдруг просыпается совершенно другой человек — здоровый. И в нем этот здоровый человек начинает преобладать в жизни.

— А вообще-то, абсолютно больных и абсолютно здоровых людей, наверное, и не бывает. В каждом есть что-то больное и что-то здоровое.

— Естественно. Всегда в человеке есть и больное, и здоровое, в любом человеке. И в самом, казалось бы, здоровом есть что-то больное, и в самом тяжело больном есть что-то здоровое. Задача состоит в том, чтобы в жизни человека — любого человека — выдвинуть на передний план его здоровое начало. Чтобы по жизни этого человека вело уже не его больное, а именно его здоровое. И тогда у этого человека начинают появляться определенные силы — здоровые силы, он уже ориентируется на здоровые силы. А больные он как бы отодвигает на задний план, забывает о них. И потихоньку через это здоровое он начинает излечиваться. Излечиваться и на физическом, и на психическом, и на душевном плане.

— И это приводит к каким-то реальным изменениям в состоянии человека?

— Конечно. Вот посмотрите: вообще, что такое состояние человека? Мы его всегда можем некоторым образом делить на физическое состояние, душевное состояние, и духовное состояние. И мы всегда можем наблюдать, как у каждого человека эти три состояния проявляются. У одного проявляется, допустим, больше физическое, когда присутствует только физическая немощь, и она его полностью поглощает. Это отражается на его внутреннем, душевном и духовном состоянии — он пассивен, подавлен, ему неинтересно жить. Такому человеку очень трудно помочь, он сам не стремится изменить что-то в своей жизни. А вот эта среда, эта атмосфера, о которой я говорил — она начинает воздействовать на его духовное состояние, на его духовный стержень. Если у человека это просыпается, и за этим начинает проявляться его душевное — эмоции, интерес к жизни, — тогда человек начинает жить, независимо от того, какой бы он ни обладал немощью физической. Вот это задача задач! Потому что на самом деле, самое основное в человеке — это духовное. Если в этом человеку помочь, если помочь ему понять, что он хоть и родился таким, и это практически невозможно исправить, но это далеко не все, он не ограничивается только этим, он представляет собой что-то большее, чем только это — тогда все в его жизни начинает меняться. Человек начинает любить жизнь, просто жизнь! Любить солнышко, траву. Он начинает радоваться жизни! И если понаблюдать просто тех людей, тех больных, которые живут в таких общинах, то можно увидеть, как это сильно работает, потому что там совершенно удивительные просто... скажем так, «больные» люди (смеется). Удивительные!..

Р.С. Кэмпхиллы: взгляд изнутри

Даже Ильза может играть. Ильза сидит в каталке и, довольная, улыбается. Нельзя узнать, понимает ли она то, что происходит вокруг нее. Она не разговаривает, но с удовольствием смотрит на то, что происходит в помещении. В программе следующим пунктом стоит игра «отражение в зеркале». Сейчас очередь Марии. Мы садимся напротив друг друга, и я произвожу простые движения руками, ногами и т.д. Мария — «зеркало», она все повторяет. После того как все пять человек из моей группы сыграли в «зеркало», я обращаюсь к Ильзе. Я заговариваю с ней, подбадриваю быть моим зеркалом, — и действительно: она, колеблясь, смотрит на меня, поворачивает голову вправо, как я, трогает рукой нос, как я, и громко смеется от удовольствия. Все громко аплодируют: они не думали, что Ильза может участвовать...

Материал подготовил
Саша ИЛЬИН

Волей судьбы оказавшись в Кирове, славящемся прекрасной рекой Вяткой и вятской куклой, я стал знакомиться с городом и его жителями. Мне хотелось познакомиться с молодыми талантливыми ребятами, и я стал узнавать все больше новых имен. И все чаще мне приходилось слышать о некоем Саше Калинине, о его способностях к рисованию. Конечно же, мне захотелось увидеться с ним.

Однако с самим Сашей встретиться не удалось. Зато посчастливилось познакомиться и поговорить с его мамой, Натальей Владимировной. Придя к ней прямо на работу — в областное общество инвалидов, — мы сели за солидный длинный стол (за которым, видимо, заседают всякие серьезные люди). И после короткого знакомства повели разговор о ее сыне.

Наталья Владимировна оказалась общительной женщиной, и она с легкостью начала рассказывать о Саше. Я узнал, что ему сейчас 18 лет. С рождения его преследует довольно редкая неприятная болезнь — повышенная хрупкость костей. И за свою жизнь Саше пришлось перенести очень много травм и переломов. Рисовать же Саша начал с раннего детства. И так хорошо у него это стало получаться, что вскоре его рисунки стали выставляться на различных фестивалях в Казани, в Сочи, в Москве. В свои юные годы он уже стал лауреатом нескольких Всероссийских конкурсов и фестивалей. А в 14 лет Саша проиллюстрировал самую настоящую детскую книжку!

С КИСТЬЮ в руках, СО СКАЗКОЙ в сердце

— Сейчас Саша учится в художественном училище, — продолжала рассказывать Наталья Владимировна. — А до поступления одновременно он даже вел изостудию для детей инвалидов. Кстати, мечтает работать с такими детьми, учить их.

— Он хочет учить рисовать других детей? — с большим удивлением спросил я.

— Да. Он и поступил на педагогический факультет на учителя рисования, чтобы потом учить детей с ограниченными возможностями. Когда он занимался в изостудии, в его группе были дети, снятые со всеобщего, т.е. дети, которых «списали», считая, что они ничему не могут научиться. А Саша их учил рисовать. И они, кстати, очень даже неплохо рисовали.

— А когда Саша начал рисовать? С чего все началось?

— Он начал рисовать с детства. Будучи еще совсем маленьким, он расписывал обои в квартире, разрисовывал их. И поскольку Сашу часто преследовали переломы, и он часто был вынужден сидеть дома в гипсах, ему больше ничего не оставалось, только как рисовать. И наверное, это его и спасало. В этом он забывался

и все время рисовал. А затем начал рисовать более серьезно.

— Начал свой творческий путь, так сказать, с родных, домашних стен. Здорово! Представляю: утром встаешь — стены одни, приходишь с работы домой, а там... кое-что изменилось.

— Да, было и такое. Однажды он разрисовал нам всю-всю стену. Птиц нарисовал, деревья... но до конца еще не успел. Я прихожу домой, открываю дверь. Он на меня глазами испуганными смотрит, говорит: «Мама, я не успел...» Ой, я стою и думаю: «Господи, что же мне со своим ребенком делать?» И единственное, что я сказала: «Ну, чтобы было красиво!» И ушла. Так он и расписал нам всю стену...

— Судя по тому, как вы мужественно повели себя в этой ситуации, у вас характер просто золотой. Наверное, и у Саши такой же?

— У Саши... — начала было Наталья Владимировна, но тут несколько смущенно засмеялась. А через несколько мгновений ответила: — Вот как про него сказала одна девочка: «Добрее мальчика я еще не встречала». Он очень добрый. И его доброта часто подводит...

— Ну, раз сказала девочка... — многозначительно протянул я и хотел

было развить приятную для меня тему, но все же остановился и не стал отвлекаться от главного. — А какая тема нравится Саше? Что он больше всего любит рисовать?

— Чаще всего он рисует природу. У него вообще дома много разных животных. Есть крыса, рыбки, морская свинка. Заходя домой, я всегда могу узнать: был мой ребенок дома или нет. Первое, что он делает, так это включает свет в аквариуме и кормит свинку. И если света в аквариуме нет и свинка кричит на всю квартиру, значит, Саши еще не было...

Бывает так, что он долго не может себя собрать, не может начать писать. Ходит вокруг да около. А потом ночью, я просыпаюсь — у ребенка свет в комнате горит. Все — пришло вдохновение, сидит — пишет. Он может за ночь картину написать. Утром встанешь — и на

тебе: картина!

— Да, здорово! Наверное, в вашей жизни и в жизни Саши случилось немало разных историй, случаев. Расскажите какую-нибудь историю из его жизни, необычную, знаковую.

— Историй было очень много... Когда он был еще маленьким (он очень верил в сказки, в разных героев), они с папой все время писали письма Деду Морозу и отправляли их без печати. И чтобы Саша поверил, что они уходят Деду Морозу, они сразу бросали письма в почтовый ящик. И вот однажды одно такое письмо пришло в газету «Полярный Полюс» в Воркуту!

— О-ооо! — затянул я, сильно удивившись неожиданному повороту событий.

— Просто письмо было без штампа, а на нем написали: Северный Полюс, Деду Морозу, без обратного адреса, и просто имя: Саша Калинин. Я сама не знаю, как оно могло попасть в эту газету. Потом они переслали письмо в

наш «Вятский наблюдатель» и по всему городу разыскивали Сашу Калинина!

— И как, нашли? — с любопытством спросил я.

— Нашли, нашли! Сначала наши знакомые нас все спрашивали: «Не вас ли разыскивают?» Потом, когда я позвонила в редакцию, мне прочитали письмо. И я сказала: «Да, это письмо наше». И тогда редактор этой газеты выслал деньги, чтобы купить Саше подарок от Деда Мороза. Вот так интересно все получилось... А еще запомнилась история, как мы поступали в художественную школу. Вам интересно? — неожиданно спросила Наталья Владимировна.

— Конечно, конечно, — поспешил ответить я, и Наталья Владимировна охотно продолжила:

— Еще когда Саша учился в 5 классе, учительница сказала, что ему нужно поступать в художественную школу. А он у нас очень медленно рисовал, тогда как на экзамене нужно было за определенное время нарисовать определенное количество рисунков. И вот мы привезли его на этот экзамен. Он зашел вместе со всеми ребятами. И вдруг наш Саша выбегает. Мы спрашиваем: «Что случилось?!» А он: «Я боюсь, я не буду рисовать!» Но мы его успокоили, уговорили. И нам сказали: «Через два часа приезжайте». Ну, мы, конечно, приехали пораньше. Смотрим: сидит на крыльце наш ребенок. Я спросила: «В чем дело? Почему ты здесь сидишь?» Он говорит: «А я уже все нарисовал». Я удивилась, говорю: «Как нарисовал?» Он, видимо, до такой степени испугался, что может не успеть, что быстрее всех нарисовал... А потом мы узнали, что Саша поступил.

Но учиться ему, конечно, было очень трудно. У него сильно болит спина, левая рука парализована после травмы, он не может долго держать ею палитру. Еще он не может долго стоять, ему нужно отдыхать. А в их классе нет ни одного стула, они целый день стоят возле этюдников. И первое время учителя, не зная о его трудностях, жаловались, что он мог позволить себе сесть или уйти, посидеть в коридоре. И нам пришлось объяснить, что ему просто тяжело.

Особенно трудно было ему со скульптурой. Один раз учитель ему даже двойку поставил. Слез было сколько! Саша из-за этой скульптуры чуть не вылетел из училища. Он не мог лепить. Нам пришлось объяснить, что у него просто не хватает сил вылепить эту скульптуру... Еще большая проблема в том, что Саша учился на домашнем обучении. Преподаватель приходил раз в неделю, и то не всегда. Приходилось учиться самому, по учебникам. А сейчас в учебных заведениях преподают, в основном, на слух, и учебников практически нет. Но на слух Саша ловить не умеет. Пробовал записывать, но у него не получается быстро писать, он не успевает за учителем... Вот, как видите, проблем у нас достаточно.

... Перед тем, как расстаться, Наталья Владимировна показала мне фотографию Саши и его работу, которая стояла на ее рабочем столе. На картине был изображен сосновый лес и тропинка, уходящая вдаль. Недолгим взглядом я подметил, что работа была сделана очень тщательно, и мазков было совсем не видно. Яркие, сочные краски сразу бросались в глаза. Картина рождала легкое, приятное ощущение. И лишь от понимания того, что мне уже не удастся встретиться с ее автором, я почувствовал, как легкое сожаление коснулось моего сердца.

Андрей КАЗАК

Иногда, когда мне становится грустно оттого, что я не могу ходить, я вспоминаю санаторий «Чувашия», где мне повезло побывать однажды, и девочку Таню с ее большими, красивыми глазами. Глазами, которые не видели свет...

ЧТОБЫ ОНА УВИДЕЛА СВЕТ

Тогда я была еще совсем девочкой, и когда я приехала в этот санаторий, мне все было так интересно! Мне хотелось все узнать, со всеми познакомиться. И у меня стало появляться много новых знакомых. В основном это были девочки. И одна из них мне оказалась ближе всех. Ее звали Таней.

Ее комната была напротив моей. Мы часто встречались то в коридоре, то в столовой. Но ни у кого из нас не хватало смелости заговорить первой.

Как-то вечером после ужина у нас не было никаких мероприятий, и мы обе оказались в холле. Я долго наблюдала за Таней и, наконец, решила с ней познакомиться. Самый первый разговор был немного глупым. Мы больше молчали, чем говорили. С самого начала она показалась мне такой доброй и милой. Она была очень красивой: стройная фигура, темные длинные волосы. И я назвала ее про себя русалкой. Я чувствовала, что она тянется к людям, ищет внимания и дружбы. Но, увы, никто не замечал этого.

«Ну, в чем же дело, почему так происходит?» — думала я, ведь она ходит, слышит и может говорить, как все. Но потом я поняла, что многих смущало то, что она не может видеть. Людей больше интересовало ее зрение, а не душа...

Наши разговоры продолжались каждый вечер. Мне было очень интересно с ней, и мне хотелось понять, что у нее в душе, о чем она думает и мечтает.

Однажды наш разговор зашел о книгах и поэзии. Походу разговора Таня начала рассказывать про школу, где она училась. Она говорила о том, как они читают, как пишут. И о многом другом. Но все, что она говорила, мне было очень сложно представить. Я слушала ее, а сама то и дело думала: «Хорошо бы увидеть все то, о чем ты говоришь!» И тут как будто она прочитала мою мысль и сказала:

— А хочешь, я покажу тебе, как мы пишем, как читаем?

— Конечно, да, — весело ответила я.

Тогда она побежала в свою комнату. И через несколько минут пришла с большой, толстой книжкой.

— Хочешь, я тебе прочитаю? — спросила она. Я с радостью кивнула головой. И она, открыв книгу, стала водить пальчиком по тем точкам, кроме которых ничего не было. «Боже, — подумала я, — как здорово придумано! Ведь абсолютно нет разницы от обычного чтения».

Потом Таня показала, как они пишут. В ее руках была тетрадь в виде папки. С виду она казалась железной. Туда она вложила простой лист бумаги. Она делала все так легко и быстро, что я от удивления раскрыла глаза и с интересом ждала, что будет дальше. Когда лист был вложен, Таня взяла ручку, с виду похожую на отвертку, и начала тыкать в маленькие квадратики. На листе стали появляться те же точки, что и в книге. Затем она предложила попробовать мне написать что-нибудь. Я, не зная как и что, решила попробовать. Когда закончила, я сказала:

— Прочитай, что получилось. Она стала читать — и первый раз за все время улыбнулась. Ее улыбка была такой красивой и светлой, что любой улыбнулся бы в ответ. Она поняла, что ничего я не смогла написать...

А я так хотела ей написать то, что не решалась сказать: чтобы Таня увидела свет! Чтобы она увидела этот прекрасный мир: эту зелень, голубое небо, солнышко... Но даже если она этого никогда не увидит, мне очень хотелось, чтобы она все равно была счастлива...

Я не знаю, как дальше сложилась судьба Тани. Но что-то мне подсказывает, что она должна быть счастлива, непременно. А я всегда буду благодарна Богу за наше знакомство. И где бы она не находилась сейчас, вспоминая ее, я всегда от всей души желаю ей найти свое счастье и не упустить его никогда. А главное — любить! Ведь если любишь, то весь этот огромный мир будет в твоих руках, он будет в твоём сердце.

Аня КУЛАЛАЕВА

У нас почему-то принято считать, что лишь физически здоровые могут жить благополучно и счастливо, а те, кто этого здоровья лишен — обречены на горькую долю. И когда в семье рождается больной малыш, то зачастую это принимается как наказание, как что-то безрадостное и тяжелое. Но на самом деле, ведь все может быть иначе! Ведь порой даже беспомощный, невидящий и неслышащий ребенок может помочь здоровым и сильным взрослым, может приносить им радость и счастье! Вспомните историю Алика и его мамы (ПН №2)? Ведь и у них были радость и счастье в семье, как и у других! И для этого нужно совсем-совсем немного — нужно только принять своего ребенка таким, какой он есть, и подарить ему немножко внимания, тепла и любви...

Никита

Однажды к нам в Институт обратилась семья с восьмимесячным мальчиком. Он родился на 28 неделе беременности. Мальчик был дважды оперирован, однако неудачно. Заключительный диагноз — ретинопатия недоношенных, отслойка сетчатки обоих глаз. Потом была выявлена тугоухость с обеих сторон 4-й степени.

Мальчик живет с мамой, бабушкой и дедушкой. Бабушка, узнав о слепоте мальчика, настояла на том, чтобы дочь не отказалась от него. Однако она не была готова к тому, что, как выяснилось потом, ребенок еще и не слышит. Мама мальчика стала собирать документы, чтобы отдать ребенка в Дом малютки. При этом она боялась лишиться раз подойти к ребенку...

Какой же он, невидящий, неслышащий мальчик, у которого всего несколько простейших погрешушек, и к которому взрослые подходят главным образом лишь для того, чтобы накормить, переодеть, уложить спать? Какой он, этот мальчик, живущий в атмосфере боли, порождающей взаимные обвинения?

Он оказался совсем не таким, каким я его себе представляла. Постоянно встающий на коленях у мамы, требующий криком, чтобы его водили по полу, держа за обе руки. С пухлыми щеками, крупными, чуть оттопыренны-

ми ушками, огромным тяжелым лбом. Я беру его на руки и в первый раз в жизни чувствую совершенно особое качество тела. Секундное напряжение сменяется абсолютной текучестью. Ни в одном участке тела не остается напряжения. Он не ощупывает меня, не протестует. Скорее впитывает меня, становится мною. Я поднимаю его над собою, он «летает» на моих вытянутых руках, я слегка его подбрасываю, мягко прижимаю к себе, опять поднимаю над собой и смотрю в его глаза. Он улыбается мне ответной улыбкой, и я чувствую его взгляд — он смотрит мне прямо в глаза.

Лишь через неделю мы смогли предложить им помощь на дому, когда бабушка поверила, что не желание «полюбоваться на чужую беду» движет нами, что ее внук нравится, вызывает восхищение, что им можно заниматься.

Когда я первый раз приехала домой к Никите, первое, что бросилось в глаза — в квартире ничто не говорило

о том, что в доме есть маленький. Почувствовав мой вопрос, бабушка сказала: «Мы ведь собираемся его отдавать». Я не стала обсуждать эту тему, мы просто договорились о том, что раз в неделю я буду приезжать и заниматься.

Я никогда не осуждала их за решение отдать ребенка в Дом малютки. Просто, занимаясь с Никитой, я показывала, что реально можно с ним делать, подчеркивала его успехи, которые становились все более очевидными. С другой стороны, мне казалось важным помочь маме перейти от состояния жертвы к активной ответственности за свою судьбу. Мне хотелось, чтобы она не боялась выразить свое чувство любви к мальчику, чтобы она вышла из комнаты, где лежала, глядя в потолок... Я рассказывала ей о других детях, с которыми занимаюсь, об их проблемах, поисках. Мы говорили о судьбах людей со слепоглухотой, а также о том, как

часто не складывается жизнь у людей без каких-либо нарушений, и как часто они не используют своих шансов.

Приступая к занятиям с Никитой, мы верили, что сможем выстроить для ребенка человеческие условия повседневной жизни, где сосуществуют традиции, порядок, ритм — с изменениями, детские игрушки — с предметами домашнего обихода, теплота знакомого прикосновения — с неожиданностью руки гостя, запах обеда — с приносимым ветром запахом таящего снега...

Каждое занятие с Никитой начиналось с движений. Совсем не сразу мне удалось убедить бабушку разрешить заниматься с мальчиком на полу, не боясь простуды или микробов. Как правило, мы упражнялись сначала в крупных движениях всем телом, осваивая пространство квартиры во всех ее измерениях. Это были ползание и ходьба с громким постукиванием каблучков (вперед — назад — вправо — влево) изменением положения сопровождающей осяпывающей руки, полеты на вытянутых руках, кувирки, съезжание с моих ног и т.д. Затем наши движения становились все меньше и постепенно переходили в движения отдельных конечностей и, наконец, в пальчиковые игры. Другое «пространство», с которым Никите предстояло познакомиться — это его собственное тело. Третье «пространство» — тело взрослого, с которым Никита занимается. В этих трех «пространствах» мы и учились двигаться, осяпывая руками, ногами, пальчиками...

Сейчас Никите 1 год и 4 месяца. Он самостоятельно ходит, сам освобождаясь от поддерживающих рук взрослого. Он ходит «лбом» вперед, не осяпывая пространство, а наоборот, тесно прижав руки к телу. В его лице — напряжение, в котором соединились страх и решимость.

Развитие движения переустроило все чувства. Его руки стали активно осяпывающими: он точно обнаруживает колесико на нижней стороне машины. Он научился сам пальчиком нажимать кнопку на машине, которая может остановить или включить ее.

Никита порой ложится животиком на колонку магнитофона и танцует всем телом. При этом одна рука его может нажать на кнопку и включить кассету.

Он использует движения для выражения своего желания: трогает свою одежду и улыбается, когда ему нравится его фактура. Он точно находит любой предмет на своем теле или упавший из рук на пол. Он явно начал реагировать на свет фонарика: сосредотачивается и улыбается в ожидании...

Сначала все мои занятия проходили без мамы, а бабушка только смотрела. В какой-то момент мы решили заснять фрагменты занятий на видеокамеру — и в первый раз мама осталась. Впервые она стала задавать вопросы. Она испуганно-

ворила отом, что у него, возможно, какие-то проблемы с ногами — и показала, как она с ним ходит: не сгибаясь, своими привычными большими шагами, практически волооча Никиту. Мы подарили ей видеокассету с записью наших занятий.

С этого момента что-то произошло. Столько новых игрушек дарила ему мама — машинки, вибрирующие и светящиеся, которые двигаются по близости; колечки, мячики, мягкие игрушки; плюшевая одежда, при виде которой Никита радостно улыбался. Никита стал лучше и с удовольствием есть, спокойнее спать. У него появились ямочки на щеках. А однажды, сидя у мамы на руках, он взял ее за уши обеими руками, притянул к себе и поцеловал в губы...

Сейчас это «мамин» ребенок. Просыпаясь утром, он просовывает руку сквозь решетку кровати и гладит ее по волосам. Он ищет именно ее, когда возникают затруднения.

У него изменились отношения со мной. Раньше стоило мне, придя, дотронуться до него, как он начинал сгребать, разворачивался всем телом и обнимал меня за шею.

После первого поцелуя мамы, когда я пришла и, как обычно, взяла его на руки, он горько заплакал. Он не отталкивал меня, а обреченно рыдал. И потом заснул у меня на руках. Мы в этот раз ничем не могли заняться.

В следующий раз он только плакал, он явно искал маму и протестовал против моих рук. Они перестали быть нужными...

Оглядываясь назад, я не перестаю удивляться тому, какую огромную внутреннюю силу имел этот маленький, казалось бы, совершенно беспомощный мальчик, родившийся в семье, не готовой к его принятию. Ведь, что он сделал? В бабушке, прямой, резкой, вдруг в какой-то момент появился вопрос, обращенный ко мне: «Скажи, какая я?» Дедушка, возвращаясь с работы, удаляется с Никитой в комнату, где они в отсутствие мамы и бабушки валяются на диване, проявляя нежность: Никита ползает по деду, кусается, смеется, дед подбрасывает его, щекочет, дует на него.

А мама... у нее изменился даже характер прикосновения. Она активно вглядывается, вслушивается в мальчика. Неопределенность будущего как будто отступила. Что-то происходит с ее внутренними чувствами.

...Я часто вспоминаю эту историю с Никитой, показываю видеозаписи занятий с ним. И каждый раз вижу, с каким с напряженнейшим вниманием смотрят эти записи и дети, и родители, как они радуются успешности действий незнакомого мальчика. А однажды молоденькая мама здоровой девочки с неожиданной твердостью сказала: «Я бы тоже выпрямилась...»

Ольга КОПЫЛ

научный сотрудник Московского Института коррекционной педагогики

Ребенок и страдание... Как это осмыслить, как понести?

Мне часто приходилось бывать в одном из московских детских домов для умственно отсталых детей. Многие из них не встают с постели, от многих как от тяжелобольных отказались родители. Здесь дети с тяжелыми пороками развития, все они тяжело страдают, хотя многие из них, по блаженству своему, этого и не осознают. В этот дом вступаешь, как на адово дно, но именно здесь можно почувствовать сладость рая сердец, живущих с Богом. Здесь много детей, любящих Бога...

Пребывая в этом детском доме, уходишь с ощущением, что, может быть, этот мир, который враг рода человеческого стремится превратить в сплошной «диснейленд» с живущими и улыбающимися до ушей, бессмысленно счастливыми роботами — этот падший мир еще держится только потому, что есть дети, которые своими страданиями перевешивают чашу весов нашего безбожия и нераскаянности. Может быть, они и страдают из-за наших грехов, из-за нашего нерадения о спасении их душ...

Из книги свещ. Алексея Грачева «Когда болят дети»

«Я очень благодарна Богу за то, что живу, вижу солнце, что меня не колят толстыми иглами, как многих других в моем положении (я инв. 1 гр., мне 21 г.) Меня очень любят родители, брат и сестра. Но иногда нападает такая тоска. Ведь есть еще и другая любовь — между мужчиной и женщиной. Неужели я никогда не узнаю, что это такое?»

Порой я думаю: а другие инвалиды, девушки и парни, которые в колясках, без рук, без ног... они тоже думают о любви, или я одна такая, глупая? Наверное, мне надо просто смириться. Когда у меня бывают приступы сердца, я думаю, зачем я мечтала о земном? А чуть-чуть отступит — и опять те же мысли...»

Это письмо, пришедшее к нам однажды от девушки Наташи из г. Ейска, почему-то очень взволновало нас. Множество чувств и вопросов всколыхнулось в сердце. Ведь, наверное, каждый из нас, каким бы он ни был, думал о любви и мечтал о любимом или любимой. Но сколько же трудностей возникает в связи с этим, и особенно для нас — во многом лишенных физической красоты и здоровья!.. Так как же нам быть, как преодолеть все это, как найти ответы на вечно волнующие вопросы? Может, пришло время нам вместе поговорить и об этом? Рассказать о том, как мы любили, как радовались и переживали, как встречали боль и преодолевали ее...

БУДЬТЕ счастливы!

Уткнувшись взглядом себе под ноги, я шел по большому оживленному двору и, кажется, ничего не замечал вокруг. В правой руке грустно болталась сумка, в которой одиноко лежала небольшая резная шкатулка. Я делал ее почти целый месяц. Волнуясь и радуясь, я вкладывал в нее все свои силы и умения, предвкушая то счастливое мгновение, когда смогу подарить это ей. Сейчас я в пяти минутах от этого события. Только вместо радости я чувствую, как огромная и темная грусть все больше растворяется в моей груди, и вместе с ней какая-то неприятная тяжесть растет помимомоей воли... «Как она мне сказала: «Андрей, я не хочу, чтобы для тебя было неожиданностью, когда ты придешь... Я живу с человеком, который является моим мужем», — вновь прокрутил я слова, сказанные ею только что по телефону. «Какой смысл мне идти теперь к ней? Чтo буду делать?» — засомневался я, ощущая большое желание возвратиться домой. — «Но мы уже договорились! Ах, да. Тогда я просто: приду, подарю и уйду!» — решил я, продолжая приближаться к назначенной встрече...

Вскоре подняв глаза, я увидел ее, стоящую у подъезда. Тихая, скромная и потому очень красивая, она терпеливо ожидала моего появления.

— Здравствуй! — сказала она, легко подбежав ко мне.

— Привет, — тихо ответил я, и наши руки сомкнулись в легком рукопожатии. Волна трепета и волнения охватила мое сердце, и в коленках появилась дрожь. Обмениваясь обычными фразами, мы не спеша вошли в подъезд и остановились у закрытых дверей лифта. Я заметил, что смотрю на нее с осторожностью и уже не могу, как раньше, любоваться ее красотой, словно кто-то запрещает мне это делать. Лифт забрал нас и

послушно понес вверх. «Интересно, а кто он, ее избранник?» — неожиданно подумалось мне. — «Наверняка, он красивый, здоровый!» — само собой проговорилось у меня внутри, отчего я ощутил резкую щемящую грусть. Двери лифта шумно разошлись, и я покорно последовал за ней.

— Проходи, — сказала она, увидев, что я задержался на лестничной площадке. С большой неуверенностью, словно боясь незнакомой квартиры, я вошел в открытую дверь так, словно перешагнул порог аудитории, в которой мне предстояло сдать самый трудный в мире экзамен...

Быстро уйти все же не удалось. После вручения подарка я каким-то образом попал за стол и долго пытался начать пить горячий чай. В голове пронеслось множество мыслей; я спорил с собой, ругал и жалел сам себя, просил потерпеть еще чуть-чуть, и все не решался взглянуть на нее.

«Ну что, Наташа, Наташенька! — выдохнул я, словно еще одну порцию горячего воздуха. — Сначала ты учила меня не бояться тебя, твоей красоты. Потом учила разговаривать с тобой, быть рядом, пребывать наедине. А теперь на прощание ты вот какой урок мне приготовила. Выпускной экзамен...» Горячая волна с новой силой подкатила к сердцу. И я уже не мог продолжать сидеть на одном месте. Я встал, подошел к окну. Взглянул в него. Но ничего там не увидел. Медленно обернулся и бросил взгляд на бокал, из которого все еще поднимался ароматный пар. «Чем скорее я его выпью, тем быстрее смогу уйти!» — достаточно здраво подумалось мне, и я принялся самоотверженно пить горячий чай.

— Можешь с пряниками, можешь с печениями, — предложила она. «Да это не важно, с чем!» — отреагировало у меня внутри, а снаружи я просто

одобрительно хмыкнул. Чай медленно стал остывать и убавляться. Но внутри остывать даже не думало... «Ну, что же ты, а? У нее же все хорошо!» — попытался я успокоить сам себя. «Помнишь, раньше ты говорил, что если у нее появится любимый человек, ты как никто другой обрадуешься этому? А теперь-то что?» А теперь-то у меня не получалось, никак не получалось. И наверно, это огорчало больше всего. Но исправить что-либо не удавалось...

Вечер за окном густел. И я на всех парах готовился выйти к нему навстречу, словно из тесной, горячей клетки. Быстро надел тяжелые ботинки и куртку, я стал прощаться. Слегка держа ее нежную руку в своей, я говорил взволнованно, отрывисто и все не то, что нужно. «Скажи же ей самое главное! — закричал умоляющий голос внутри. — Ну! Пока она рядом. Может, ты ее никогда больше не увидишь!» Я собрал все свои силы, весь свой дух, даже приготовился зажмурить глаза, лишь бы это получилось... Вдохнул воздуха, и... В этот миг она отвлеклась, и мне пришлось выдохнуть в пустоту...

Вскоре я, наконец, вышел из подъезда. Почти вылетел. И мое несчастье вместе со мной. Лицо обдал свежий весенний ветер, и я стал жадно глотать

его влажный воздух. Всюду текли ручьи из-под еще не растаявшего снега, и я зашлепал прямо по ним. Сердце бешено билось. Грудь жгли и обжигали все новые и новые потоки горячих эмоций. «Теперь я знаю, что такое быть угорелым!» — раздался ясный голос внутри. «И идиотом тоже!» — добавил другой, но я ни грамма не обиделся. Просто дальше было некуда. От всего этого кошмара хотелось куда-нибудь исчезнуть, убежать далеко-далеко... «А какая разница, куда бежать? — подумалось мне. — Все равно везде будет больно». Ощувив свою безысходность, я остановился. Быть может, для того, чтобы провалиться сквозь землю, а может быть, просто, чтобы заплакать.

Я поднял голову и оглянулся вокруг. Было уже темно, и огромное, могучее звездное небо распростерлось надо мной. Тысячи звезд сияли в темной вышине, и казалось, что все они смотрят только на меня. И каждая из них неслышно шептала: «Это нужно сделать». Высокие, безмолвные дома и сотни окон, в которых горел теплый домашний свет, твердили мне: «Это нужно сделать». Куда бы я ни взглянул, куда бы ни обратил взор свой, все мне говорило об одном и том же. «Но я не могу! Мне же больно!» — попытался возразить я всем сразу, но в ответ услышал лишь тишину, в которой звучала все та же убедительная просьба. Вокруг все притихло. Казалось, весь Мир, все Мироздание с любопытством смотрели на меня. И ждали. Я знал, я хорошо чувствовал, чего все ждут. Ведь и сам, где-то глубоко в себе, под вспыхнувшим пожаром безумных чувств, я тоже хотел этого. Я хотел, чтобы все было по-другому... Объятый грустью и мраком весеннего вечера, я поднял голову и бросил взгляд туда, где среди множества сияющих окон, должно было гореть их заветное окно. Далекий домашний свет в окне и теплый свет воспоминаний увлекли меня. Преодолевая последние преграды, я был готов разжать уста. От страха захватило дух, и волна напряжения охватило все тело.

— Будьте счастливы! — выдохнул я, и теплая слеза облегчения скатилась по левой щеке.

Андрей КАЗАК

ЭТО БЫЛ СОН

Это было во сне. Да, наверное, во сне. Я больше не боялся любви. Я был влюблен...

Небо было слишком голубым, воздух — слишком пьянящим, а мир — слишком чудесным, чтобы поверить в это. Я не знал, что происходит со мной. Мне казалось, что я схожу с ума. Мне хотелось смеяться от какой-то необъяснимой радости, мне хотелось плакать от какого-то сладостно-щемящего, обжигающего чувства. И все это лишь потому, что я снова увидел ее. Мимходом, случайно. Она была такая красивая. Я даже не знал, что на земле бывают такие. А я... я был все такой же — неспособный даже ходить и говорить нормально. Но это было не страшно, совсем не страшно. Пусть она даже не смотрит на меня, пусть она даже не знает обо мне — о Господи, впервые в жизни мне не было больно из-за этого, мне это было даже неважно. Ведь даже если бы я ходил и говорил лучше всех на свете, я бы все равно не смог подойти к ней, я бы все равно не смог ничего сказать ей. Нет, хотя бы просто видеть ее, хотя бы иногда — для меня и это было счастьем. Я даже не знал, за что мне это счастье.

— Боже мой! — кричал я небесам, — Боже мой, как же я был глуп! Я боялся любви, я всю жизнь боялся любви, я боялся даже думать об этом! Зачем? — говорил я себе, — зачем мне эта боль и эти страдания? Ведь меня все равно никто не полюбит, ведь я все равно никому не нужен! Я не хотел этого, я не хотел даже думать об этом. Буду думать одругом, буду думать об устройстве мира и тайнах далеких звезд, буду думать о чем угодно — лишь бы забыть о любви, лишь бы спастись от этой невыносимой боли, от этой муки...

А боли-то, оказывается, и нет! Боли нет — есть лишь счастье, такое большое, теплое, щемящее! Любовь не может причинять боль, какой бы безответной она ни была. Боль причиняет лишь то, что мешает нам любить. Ревность, гордость, эгоизм, непонимания и требования — вот наш истинный бич, вот то, что извечно затмевает солнце нашей любви и нашего счастья!.. Я просто не умел любить. Я слишком много требовал, я слишком много боялся. Боялся, что меня не полюбят, что я буду не нужен. Что кто-то другой для нее будет нужнее, чем я.

Но почему, почему я этого должен был бояться, Господи? Почему

она *должна* меня любить? Почему я ей *должен* быть нужен, и нужен больше, чем кто-то другой? Почему? Разве я заслужил право требовать это? Разве это вообще можно требовать? О Боже, да не требовать я должен, а благодарить ее, благодарить до конца жизни за то, что она подарила мне это чудо — эти чувства, эти слезы, эти бессонные ночи, эти стихи и эти строчки. Это счастье...

Я даже не знал, что такое счастье может быть. Это было слишком прекрасно, чтобы быть реально-стью. Это был сон. Увы, всего лишь сон. Я проснулся и понял, что ничего не изменилось, что я по-прежнему боюсь любви. Я боюсь, что та, которую люблю, не будет даже смотреть на меня, на такого — ковыляющего на костылях, и это будет больно, слишком больно. А если и будет смотреть, и даже подружится со мной, я боюсь, что потом у нее появится другой, более достойный, и однажды она мне скажет: знаешь, я выхожу замуж... А если даже случится иначе, если даже однажды она меня назовет любимым, и обручальные кольца скрепят наш союз — даже тогда я буду бояться, всю жизнь бояться, когда она будет смотреть на других и улыбаться другим...

Да, ничего не изменилось в этом мире, хоть и прошли века, ноя все тот же, и мы все те же, и также боимся любви, и также мучаемся и страдаем при каждом ее прикосновении, и все также гоним ее и ругаем, но не понимаем, почему, почему все так происходит в нашей жизни! И только лишь сон, тот мой чудный сон вновь и вновь воскресает в моей памяти, возвращая туда, где все может быть иначе, где можно любить, не боясь и не страдая. И я начинаю понимать, что не могу, не хочу так больше жить, что так просто нельзя жить! Надо научиться жить иначе и любить иначе — легко и просто, не требуя ничего за свою жизнь и свою любовь, не ожидая даже ничего, никакой награды. Просто жить и просто любить, любить и благодарить небеса за каждый миг этой жизни и этой любви...

Боже мой, как же я хочу научиться так жить и любить! И какой замечательной была бы жизнь, если бы мы все научились этому! И пусть мы все так далеки от этого, и считаем это утопией, вечно недостижимой мечтой, но каждый раз, вспоминая тот сон, я вновь и вновь повторяю: «Прости нас, Господи! Прости, что мы боимся любви и гоним ее. Прости, что не умеем любить и причиняем столько боли друг другу. Прости — и научи, научи же нас Любви, Господи!..»

Саша ИЛЬИН

Впервые мы узнали о Владимире Капункине года четыре назад, когда у одного из друзей услышали необычную запись на аудиокассете. Прекрасный нежный голос, тихие слова и завораживающая, ни с чем не сравнимая музыка тронули тогда наши сердца. Казалось, что-то необъяснимое, небесно-чистое лучилось от этих песен. Но тогда мы и подумать не могли, что это поет священно-служитель!..

С тех пор эти песни стали неразлучными друзьями в нашей жизни. Вместе с ними мы радовались и грустили, вместе с ними работали над журналом... А однажды из Кирова прилетела замечательная новость о том, что скоро туда с концертом приезжает Владимир Капункин. И вот наши ребята отправились в путь.

И было два прекрасных вечера, два бесплатных концерта, наполненные живым голосом и удивительными песнями Владимира. А перед самым его отъездом состоялась еще одна встреча, где желающие могли задать ему вопросы, и на которой, среди немногочисленных счастливых, оказался и наш корреспондент Андрей Казак. С первых же минут встречи посыпались непростые вопросы, на которые Владимир легко, порой даже с тонким юмором давал мудрые, необычные ответы. И вот, в один из моментов, воспользовавшись паузой, решил задать свой первый вопрос и Андрей...

СТУПЕНЬКИ любви

— Сейчас в мире все больше людей, которые не могут ходить или говорить, как другие. Какова цель таких людей в этой жизни?

— Цель у всех одинакова — это внутреннее, духовное развитие. Надо научиться жить в любви и гармонии, не нарушая заповеди Бога. Все люди по своей внутренней сути одинаковы, разницы нет, кто ходит, а кто не может.

— Но у многих возникает вопрос: почему мне выпала такая горькая доля, почему именно я не умею ходить? И для чего я тогда вообще живу, что мне делать?

— Ну, это естественно, что возникают такие вопросы, ведь всем хочется лучшего. Но надо понимать, что судьба каждого человека складывается не случайно, и что такая плоть дается вовсе

не просто так. Ведь, когда рождается новая душа, она вкладывается, как правило, в здоровую плоть. Но так как у нее нет опыта отдавать, жить во имя других, то она сразу начинает брать. Человек начинает кичиться своими физическими качествами и ставить их выше своей духовной сути. И чтобы помочь ему выправить это опасное отклонение в развитии, в следующей жизни ему могут дать чуть-чуть худшую плоть. Не понял — еще хуже. И однажды он рождается в настолько ущербной плоти, что уже никак не сможет сказать: «Знаете, вот я такой красивый, сейчас на дискотеку пойду, буду гулять!» Он, может, и хотел бы — но нет, он вообще прикован к постели. И тогда ему остается только одно: начать думать о жизни, задумываться о каких-то более

серьезных вещах, что при других условиях было бы просто невозможно. И получается, все же хорошо, никакой беды нет! Нужно просто правильно воспринимать то, что происходит с тобой в жизни, и, несмотря на трудности, стремиться к Свету, стараться стать чище, добрее, прекраснее. И тогда все в жизни начинает меняться к лучшему.

— Да, стремиться к Свету, жить во имя Добра и Любви... Многие, наверное, хотели бы этого. Вот только как это сделать, как же стать чище и прекраснее? Какие усилия нужны для этого?

— Усилия духовные совершенно одинаковы для всех. Есть хорошо известные заповеди — о любви, о смирении, всепрощении, которые каждый из нас, независимо от физического состояния, должен стремиться исполнять. И здесь нельзя никого ни с кем сравнивать, нельзя никому завидовать: у этого здоровая плоть, у того нет. Нельзя кому бы ни было говорить: вот тебя бы на мое место. Идеальных людей, способных на все, не бывает. У каждого своя чудесная стезя. Например, зачем печени говорить: «Меня в любое место поместите, я могу и сердцем быть»? Она может быть только на месте печени, иначе человек жить не будет. Но разве из этого следует, что печень несовершенна? Да нет, поставьте ее на свое место — она там ой как нужна будет. Так же и человек, его жизнь, его судьба. У здорового свои проблемы, которые нужно решить. У человека с трудностями созданием — свои. И получается, что духовные усилия: смирение, всепрощение, желание всем добра — они для каждого совершенно одинаковы. Только ты, например, сидя в коляске выработываешь терпение, а я то же терпение проявляю к человеку, за которым бегаю и никак догнать не могу, чтоб добра ему пожелать. Бегаю и проявляю терпение, пока не догоню. А ты смотришь и говоришь: «Ничего себе ты терпение проявляешь! Бегаешь там. Ты бы посидел, не умея ходить, в коляске». Но нет, усилия совершенно одинаковые. Мы все рождены по образу и подобию Божьему, а значит, мы все способны творить Любовь, Красоту и Свет, как и Он.

— А как творить, если ты в одной комнате сидишь, никуда не можешь выйти?

— А энергетика? Ведь есть процессы, которые невидимы глазу, но которые на самом деле даже еще более действительны. Можно подойти к человеку и помочь ему просто распилить что-то. Ты только одному человеку в этом случае можешь. Но при этом, когда ты пилишь с радостью, истекающая из тебя добрая энергетика помогает тысячам других людей! Она летит по земле: раз, там костер в лесу, оставленный туристами, он уже начал разгораться, но его окутала твоя добрая энергия — и он потух... Стоит самоубийца на крыше небоскреба, прыгнуть собирается; ноги уже согнул, чтобы оттолкнуться и прыгнуть, но вдруг его что-то коснулось — и он подумал:

«Ладно, завтра»... Убийца замахнулся ножом, готов уже свершить непоправимое — но его ярость вдруг почему-то начала утихать, и он не ударил...

— Здорово! Но неужели мысли имеют такую большую силу?

— Здесь важны не столько мысли, сколько чувства и эмоции, которые ты в них вкладываешь. Ведь эмоциональный посыл бывает очень мощным. Можно вообще лежать без движения, но если мысль работает трезво, то можно творить в пространстве невероятные структуры добра!

— Но почему же этого не делают?

— А просто у человека сразу включается эгоизм: ему надо видеть плоды своих действий. Ему нужно, чтобы он лежал, думал — а по телевизору тут же в новостях передавали: «Иван Иванов сегодня помыслил о том-то — и спаслись столько-то людей». И он сидит счастливый, думает: «Ну, вот, не зря живу!» Но никто не показывает. И никогда не покажет, потому что тогда это не вера будет, а бизнес получится. Ведь истинное добротворится не ради какого-то вознаграждения, а оттого, что ты просто по-другому не можешь. Ты не можешь иначе, поэтому ты сидишь, молишься, желаешь всем счастья, мурлыкаешь псалом какой-нибудь. А все, что из тебя истекает — оно в этот момент созидает в пространстве то, что начинает воздействовать на других. И тогда почему-то люди начинают улыбаться в городах, в поездах и автобусах. Почему-то кто-то прощает, что его зделали и порвали куртку, хотя вчера он из-за этого чуть не подрался. И при этом никто не знает, кроме Бога, что все это благодаря тебе, сидящему в комнате. А никто и не должен знать, это и не нужно. В этом и есть величественный закон Любви.

— Да! — удивленно произнес я. — Но ведь так сразу не получится, наверное.

— Потому что человек очень сильно привязан к материальному. Ему нужен зримый результат, и как можно быстрее. А так сидит и говорит: «Желаю всем счастья!» — и как бы ничего (мы оба засмеялись). Конечно, это вроде и не интересно, и радости особой нет. Но есть ведь другой, более тонкий уровень. И есть другая радость — самая правильная, чистая. Например, стоит человек на краю пропасти, почти падает. Ты из-за угла подошел, незаметно взял его за пиджачок, поддержал, чтобы он не упал. И спрятался. Человек оглядывается, чтобы узнать, кто это ему помог, смотрит — кто-то идет по тропе. Он подбегает к нему, в ноги падает, благодарит: «Спасибо, ты мне помог!» А ты стоишь в сторонке и радуешься: тебя-то не заметили, хорошо! Вот это настоящая радость от творения! Но пока у нас все иначе. Мы, вроде, скромничаем — мол, ничего, ничего, не стоит благодарностей, а сами-то довольные, что нас заметили, похва-

А когда придёт День, чистый День, словно дитя,
Мы построим Храм, хрустальный Храм из дождя.
Мы построим Храм из наших чувств,
И он никогда не будет пуст.
И Храм наших чувств омоет Землю чистотой.
И Храм наших чувств наполнит Землю...
Из песни В.Капункина

лили, героями себя уже представляем, венок мысленно на голове поправляем.

— Ага, весь день потом довольные ходим! Но выходит, это неправильная радость. А с чего же начинается путь к настоящей радости? Какой нужен первый шаг?

— Конечно же, смирение. Когда ты начинаешь удерживать рвущуюся из груди жалость к себе, осуждение ближних, зависть, раздражение; когда ты никого не винишь, понимая, что никто не виноват в том, что у тебя есть, кроме тебя самого. А потом ты начнешь замечать то, что не видел раньше; начнешь находить негативное уже в своих, казалось бы, благих порывах. Начнешь замечать, что твоё пожелание о счастье на самом деле было обыграно твоим эгоизмом — ты хотел награды в ответ. И ты начнешь уточняться. Сейчас можно взять любой порыв человека, казалось бы, нежный, хороший, но там будет скрыто что-то корыстное.

— Получается, все наши благие порывы не такие уж и хорошие?

— Эгоизм их просто обыгрывает, он их ставит на службу себе. Потому что, какое бы добро мы не замыслили, у нас сразу включается программа воздаяния. Ну, хоть в чем-нибудь, хоть немножечко — но чтобы нас наградили. Например, человек может даже не говорить: «заплати мне», он всего лишь попросит: «не мешай мне; я же доброе дело хочу сделать, а ты мешаешь». Но ведь, тем самым он сказал: «Заплати мне тем, что не мешай». Нет, это уже не бескорыстно получается. Бескорыстное в нас появится только тогда, когда мы будем стараться все хорошее делать незаметно, хотя бы стараться. Конеч-

но, не доходя при этом до абсурда, что вот, не смог — заметили, ай! Все, ничего больше не буду делать...

— У меня такое часто бывает: раз не получается — все, ничего не буду! Наверное, это тоже эгоизм, правда? Хочется сразу больших результатов, чтобы потом хотя бы себе сказать: ну вот, я же могу!.. А еще бывает: сделаешь что-то не так, и внутри чувствуешь, что нехорошо поступил, надо попросить прощения у человека. Но когда его видишь, желание извиниться куда-то сразу испаряется.

— Попросить прощение — это очень важно, особенно если ты понимаешь, что сделал что-то не так. Тут нужно сознательно-волевое усилие сделать. Мы же к зубному никогда не идем в порыве радости. Мы всегда себя немножко преодолеваем, зная, что будет неприятно. Но мы же все равно идем, сознавая, что надо. Так и здесь. Ты знаешь, что надо, но не хочешь. Это как на работу пойти. Утром встать — ну, не хочется! Но ты встаешь и идешь, потому что если не пойти, зарплата не будет, жизнь не получится, ребенку не купишь и т.д.

— Да, придется, видимо, извиниться. Хотя потом смеяться, наверное, будут. Мол, испугался...

— Да пусть они обхохочутся над тобой, пусть всем расскажут, что ты такой слабый и вообще никто. Это неважно, что они скажут. Тут важно будет то, что ты пересилишь себя, что ты достойно проявишь свои действия, как человек. Иначе ведь цель зла не прервется никогда, если все будут на зло отвечать злом. Она никогда не прервется! Как раз из-за этого-то тебе и так легко править миром. Как только все задумали какое-то доброе дело (а там это невыгодно), сразу раз — и одному кто-то наступил на ногу. Тот не сдержался, ответил. Другой защитил. Четвертый созвал митинг, призвал к борьбе, пятый собрал армию — и все, поехали. Весь мир сражается, тьма ликует. И прервать никто не может, ведь для этого кому-то нужно простить. Это нужно кому-то первому сказать: «Ребята, я не буду сражаться». А ему в ответ: «А мы тебя зарубим!» А он — «Ну, что ж, рубите...»

— Ого! Чтобы так поступить на самом деле? Это ведь какую силу внутри надо иметь!

— Это нужно просто поверить Богу — вот и все. Ведь мы же все на Его ладони, и даже ни один волос с нашей головы без Его ведома не упадет. Все всегда будет так, как нужно для твоего блага. И если тебя не должны зарубить, да хоть даже выйди ты в самую гущу битвы и брось наземь свою саблю — тебя никто и пальцем не тронет!

— Если так, то конечно, будет проще, наверное. Но ведь нужно еще и покаяться, если сделал что-то нехорошее, правда? А в чем заключается сила покаяния, и как правильно его совершать?

— Когда человек совершает какой-то грех, он в этот момент теряет силу, становится слабее. При этом он зародил кармическое движение обратного удара от Природы, который пойдет на него в виде воздаяния. И вот, к нему этот удар идет, а он, ослабевший от грехопадения, начнет по-своему защищаться, отвечать ответным ударом, тем самым родит новую увеличенную амплитуду воздаяния и сам, к тому же, упадет еще ниже. Но если после грехопадения он покается, то в этот момент ему дается дополнительная сила от Бога, чтобы пришедший к нему обратный удар принять достойно, смиренно и загасить его. В этом важность покаяния.

— А почему часто бывает так, что человек, вроде, ругается, делает что-то нехорошее, и даже не кается, не просит прощения — но живет при этом прилежачи, и воздаяния какого-то для него не видно?

— А это потому, что часто воздаяние бывает не сразу. Бывает, что человек сегодня на кого-то ругнулся, пожалел немножко — и все, забыл. А обратная волна уже пошла. И через месяц где-то в подворотне его схватят за шиворот. А где ж ему тут понять, что это было как раз за те слова? Конечно, в этот момент он может отмахнуться, подумает: «за что?» И соответственно, неправильно среагирует и родит еще больше неприятностей. А покаяние именно позволит принять все, как должное. Причем, правильное покаяние — это не просто когда ты говоришь: «Я виноват, каюсь!» Суть покаяния в том, что ты пытаешься в понимании своей вины внутренне так раскрыться, что начинаешь чувствовать на себе ту боль, которую причинил кому-то своим поступком. Ты чувствуешь, как было больно слушать твои некрасивые слова тому, кому ты их говорил. Как было больно веточке, когда ты ее так бездумно сломал. И тебе становится также больно, как и им. Но эта боль не за себя, что ты такой грешный, а за другого, за то, что ему по твоей вине было больно.

— Увы, у меня пока чаще другая боль возникает. Например, когда я вижу, что человек делает что-то неправильно. Я говорю ему, что так нельзя, а он все равно делает. Вот, как тут быть? Больно же, что человек нехорошо поступает.

— Ну, тут у тебя уже требования начинаются. А все требования идут от высокомерия. Высокомерие — это лжедубликат истины внутри человека, оно ставит тебя в обманную ситуацию, когда тебе кажется, что ты абсолютно прав. Ты что-то понял — и у тебя сразу начинает расти коэффициент уверенности в своей правоте. И тогда все, что пойдет против твоего понимания, будет вызывать у тебя боль, сопротивление. Тебе будет казаться, что человек поступает неправильно. Но ведь тебе так только кажется, истину ты знать не можешь! Здесь просто, чтобы убрать боль, непри-

ятность внутри, лучше сразу себя одернуть, осознать, что это лишь твое личное мнение, твое понимание, которое, вообще-то, может быть в чем-то ошибочным. И потом ты уже можешь спокойно высказывать свои мысли, может даже громко: «Давайте вот так будем делать!» Но если в этот момент тебе скажут: «А может, не надо так, что ты тут несешь?» — ты легко ответишь: «хорошо», ты не будешь настаивать на своем. Вот этому надо научиться. Тогда очень многие неприятности легко уйдут, все будет проще.

— А если человек, например, курит или пьет? Разве здесь нельзя потребовать, чтобы он бросил?

— Ты ему так все равно не сможешь. Наоборот, будет лишь еще больше сложностей. Твои требования включат внутри него программу на сопротивление, и в ответ он еще больше начнет делать как раз то, чего ты не хочешь. Поэтому пока ты не прекратишь требовать, даже внутренне, ситуация будет только ухудшаться. Тебе нужно оставить требования вообще и заняться личностным самоочищением. Конечно, ты всегда стремишься подставить плечотам, где тебя попросят. Но если не попросят, неужели нужно бежать, хватать за воротничок и кричать: «Так нельзя, это не по-Божьему, очнись, ведь ты погибнешь?» Ведь это, получается, говорить Богу: «Конечно, Ты Бог, но вот здесь я уж лучше сам побеспокоюсь о своих ближних, а то Ты сейчас там не заметишь, у Тебя не хватит внимания на мою семью, и они все погибнут. Доверь уж мне, я эту ситуацию знаю лучше». Но это же смешно! С таким требованием человек может лишь еще сильнее запить. Так можно не только свою семью заставлять пить, но можно стать повинным в бедах тысяч людей! И получается, разговор-то в таких случаях все равно идет о себе. Ведь ты не просто хочешь, чтоб он спасся, избавился от вредных привычек, ты хочешь, чтоб он спасся — и тебе от этого было хорошо. Не ему хорошо было, а именно тебе!

— И как же тогда узнать, как для человека будет лучше? Неужели, если он бросит пить, для него будет чем-то плохим?

— А это и невозможно узнать — в каком случае ему будет лучше, это знает лишь Бог. Конечно, с разумной точки зрения можно подумать, что если человек не будет пить и курить, будет верить в Бога, то это хорошо. Но у каждого ведь своя судьба определенная, и свои задачи в этой жизни. Если ему сильно только пить, а не пить не сильно — ну, как с него можно требовать то, чего

Ты должен во всем довериться Богу. И понять, что твое изменение, твои добрые порывы, твоя молитва за людей, твоя готовность и постоянное желание им помочь — это самая главная помощь всем.

Владимир Капункин

он не в состоянии сделать? Он просто не готов еще к этому, не созрел, ему так хорошо, а по-другому он не хочет. Когда ему перестанет быть хорошо от такого образа жизни — будь спокоен, он сам придет к тебе и скажет: «Я не хочу так больше, помоги мне».

— А если, все-таки, беспокоиться о нем, волнуешься? Ведь, человек может заболеть серьезно из-за этого. Да и близким его непросто приходится.

— Но ведь ты не знаешь, что же на самом деле с ним происходит, к чему он вообще должен прийти в этой жизни. И ты просто домысливаешь самое отрицательное. Отсюда и чрезмерные волнения, беспокойства. А почему бы не домыслить, наоборот, положительное? Допустим, человек выбегает и стреляет в ребенка. Все кричат: «Какой негодяй! Какой кошмар!» И только Высший Мир, допустивший такую ситуацию, знает, что это по-своему здорово. Потому что этот ребенок вырастет и станет еще худшим негодяем, а жертв будет еще больше! Получается, его просто спасают от этого. А с другой стороны, тот человек, выстрелив и увидев результат своего поступка, тоже потрясен случившимся, у него большой переворот в психике происходит, он прекращает стрелять. Получается благо! Одним таким допущением, где можно было бы крикнуть: «Да куда же Бог смотрит?», были достигнуты на самом деле сразу две благие цели. Конечно, не Бог послал совершить это убийство, Он просто допустил, чтобы

так произошло, увидев, что от этих действий оба спасутся.

— Получается, Бог допускает зло, чтобы помочь нам?

— Вообще, зло идет, конечно, не от Бога. Просто человеку дана свобода выбора, поэтому его невозможно заставить быть добрым. Конечно, можно было бы уничтожить дьявола, но какой смысл? Зло ведь всегда творит сам человек; тьма его просто подталкивает, искушает, но заставить человека безвольно что-то делать, как правило, никто не может — конечный выбор всегда остается за человеком. Поэтому, пока человек будет склонен совершать что-то нехорошее, зло все равно будет существовать, это просто неизбежно. И вот эту неизбежность Бог обыгрывает так, чтобы это нам хоть в чем-то пошло во благо. Он не заставляет человека поступить по-другому, но складывает для него такие ситуации, когда даже его неизбежно отрицательный поступок в конечном итоге как-то поможет ему — он что-то увидит, задумается. Ведь, Бог есть Любовь, бескрайняя Любовь. Значит, все, что Он сделает, будет вести исключительно к Любви.

Он заведует каждой миллисекундой в нашей жизни! И все, что происходит или произойдет с тобой — произойдет только с Его ведома. Ты даже не знаешь о том, сколько посягательств тьмы на тебя в течение одного дня произошло, сколько раз всего лишь за один день ты мог упасть, что-то сломать себе, сколько раз тебя могли обокрасть, еще что-то. Но ничего этого не случилось, от всего этого ты был защищен Богом, потому что все эти ситуации тебе были просто не нужны, они не пошли бы тебе во благо — и Бог их не допустил.

— Вот это! А что, если пока я ехал сюда, тьма уже двадцать раз пыталась на меня покушаться?

— Но тебе это не нужно было. Бог видел: тебе это мудрости не принесет. И это все прошло мимо. Ты даже этого не знаешь. Но зато когда действительно что-то неприятное случится, ты сразу подумаешь о чем-то негативном: что же такое? за что мне это? Да нет же, это случилось с тобой потому, что тебе это очень необходимо, тебя это спасет! Это будет очередная ступенька, ведущая тебя к Любви. И когда ты это понимаешь, ты уже не выражаешь негатива, не

осуждаешь, не требуешь, никого никуда не тянешь, оправдываясь тем, что ты их спасаешь, что волнуешься за них. Ничего подобного! Начинать нужно всегда с самого себя. Ты спасешься — и спасутся тысячи! От одной лишь твоей чудесной улыбки будет столько интересного, чудесного происходить вокруг — еще больше захочется улыбаться.

— Да, если так смотреть, то получается, чем бы мы ни были недовольны, разговор все-таки идет о себе, вся причина наших неудобств в нас же самих.

— Конечно! Это ведь тебе будет неприятно, что, например, человек будет пить или ругаться. И ты будешь придумывать различные оправдания своим негативным чувствам к нему, своим волнениям и беспокойствам — мол, его надо спасти, а то он дойдет до такой черты, когда уже будет поздно. Но ведь не нам судить о том! Мы не знаем задачи друг друга. Мы можем отвечать лишь за свою жизнь и свои поступки. Нет смысла требовать от других, ты должен требовать прежде с самого себя, стремись как можно достойнее самому прожить дарованную тебе жизнь. Где, конечно, ты готов в любой момент подставить плечо там, где это нужно, помочь тому, кто действительно нуждается в твоей помощи, и так, как ты это сможешь сделать, не осуждая и не укоряя никого ни в чем. Скажешь: «Ничего! Пусть ты в тысячный раз снова напился, давай попробуем со следующего дня опять, если ты хочешь. Хочешь, давай попробуем. Давай! Я останусь с тобой на всю ночь, когда у тебя начнутся ломки. Я привяжу тебя к стулу, будем смеяться, я буду играть на гитаре. Давай мы пересилим это! Я буду всегда рядом. Если нужно неделю — неделю буду приходить, если ты хочешь...»

— Наверное, вот так и идут навстречу Свету, шаг за шагом, ступенька за ступенькой поднимаясь все выше и выше, сквозь ветры и стужи, через тернии жизни, — задумчиво произнес я. — Ступеньки Любви... Сколько их нужно пройти, этих ступенек, чтобы однажды хоть чего-то достичь, чтобы хоть что-то получилось? И получится ли?

— Есть такая притча, — улыбнулся Владимир. — Человек спросил у Бога, что ему делать? Бог ему говорит: «Построй город». И вот человек возложил стену из камня посреди пустыни. Но подул сильный ветер — и все снесло. Человек заново построил. Ветер снова все разрушил. Он — еще. И опять ветер все разрушил... Взмолился тогда человек: «Господи, нерадив я пред очами Твоими, не могу ничего построить. И жизнь моя уже идет к закату». И ответил великий Отец: «Чудо мое, что же ты смотришь лишь на зримое? Пока ты созидал руками, сердце твое рождало цветы невиданные. Оглянись же вокруг». Человек оглядывается — а там кругом пространство Любви!..

Материал подготовили Андрей КАЗАК и Саша ИЛЬИН

Здравствуйте, люди!

Подарили облака мне сон,
В котором я был во весь мир влюблён,
И был мне равно дорог в мире всякий
любой из всех,

Рвалась душа наружу всех обнять,
Хотелось всем помочь и всех понять,
А в сердце жил какой-то детский
нежный смех.

И я проснулся телом, а душой
Остался, Господи, отныне с Тобой,
Дав волю струнам и крыльям своим стихам.
Я видеть стал, куда мне идти,
И привели меня эти пути
Конечно к вам, мои родные люди,
конечно же, к вам.

Приве:
Здравствуйте, люди,
Родные-родные!
Конечно, мы не святые,
Но это пока.
Здравствуйте, люди,
Мои дорогие!
Пусть утешится сердце
и от песен улыбнётся душа.

И белый голубь на плече моём,
И мы с ним вместе тихонько поём,
Делясь своими впечатлениями от весны.
И повелители волшебных трав —
Детьми, похожими на нас всех, став —
Живут среди нас, и глаза их чисты.
А я прикоснулся к миру рукой —
И этот мир стал моею судьбой,
И я понял, что пока для людей

не сделал ничего.

И я дал волю нежным слезам,
Даря своё сердце, воистину, вам,
Ведь вижу в каждом искру Бога моего.

Приве.

Однажды к нам пришло необычное письмо из Самарской области от Тамары Муруновой — поэта, журналиста, члена Союза профессиональных литераторов и просто замечательного человека. И вот, в ее письме мы прочитали интересное предложение: а что, если в нашем журнале публиковать не только стихи, прозу и журналистские материалы, но и то, что обычно доверяют лишь дневникам и заветным тетрадкам? Ведь многие из нас пишут не только стихи и прозу, но и что-то такое более личное, что, вроде бы, и не для печати — то, что обычно так и остается где-то в дневниках и заветных тетрадках, нигде неопубликованное. А между тем, зачастую именно в этих тетрадках и хранится самое важное, самое бесценное...

А правда, мы ведь и сами мечтали об этом: делиться друг с другом всем самым важным, сокровенным. Мы мечтали стать для вас другом — таким, которому можно доверить самое заветное. И тогда, может быть, однажды на наших страницах появилась бы целая рубрика, посвященная вашим откровениям, вашим заветным тетрадкам...

СТРАНИЦЫ из заветной тетради

В 17 лет, когда мне стало известно, что я никогда не встану на ноги, я просто сказала себе: «Жизнь все равно прекрасна»... Говорю это и теперь!

Я инвалид с детства. И еще я человек, который пишет. Казалось бы, совершенно не сопоставимые вещи, скорее даже взаимоисключающие друг друга. Ибо, ну о чем может поведать людям человек, у которого с ранних лет нет никакой жизни, кроме боли и отчаяния? И еще тоски. О том мире, который за его окном? Который выплескивается в тихую его гавань с экрана телевизора?..

Так думают те, кто считает себя полноценным. Потому что им даровано здорово, дарована возможность в этом мире быть, думать. Но они ошибаются.

Мы тоже люди. Простонам все сложнее. Болезни сковывают движения. Рук, ног, тела... Но душа-то свободна! И ей так много дел до всего. И до той жизни, что за окном — тоже.

И тогда рождаются строчки. Чаще всего какой-нибудь заветной тетрадке. Которая редко кому показывается.

У меня тоже есть такая тетрадка. В зеленой, коленкоровой обложке. Дневник — не дневник. Блокнот — не блокнот. Отдушина. Туда записываю свои мысли. Боли свои и радости. И я ее тоже редко кому показываю.

Но вы мои друзья. Мои собратья по перу. Вы — второе мое я.

И я раскрываю перед вами странички своей заветной тетрадки...

И словом обогреть другого...

Сегодня необыкновенный снегопад. Снег идет густо, большими хлопьями. На перилах моей лоджии уже довольно пышные, белоснежные сугробы. Попросила зачерпнуть немножко в тарелочку и мне. И вот сижу, дышаю. Как хорошо! Запах свежий, бодрящий. Сразу вспомнила детство, свои барахтанья в сугробах, и как вся промокшая, в валенках, полных снега, являлась домой.

Как удивительно быстро летит время! Вроде, совсем недавно была маленькой, а вот гляди-ка — четвертый десяток докручиваю. И так до обидного мало сделала, и так хочется многое успеть. Но вот только получится ли?

Все-таки, как тяжело пишушему человеку без ног. То есть, не совсем без ног (ноги-то, слава Богу, у меня есть), а без возможности бегать, ходить, успевать везде и всюду. Порой думаю — как много проблем, трудностей ушло бы из моей жизни, будь я здорова. Сколько бы я тогда могла сделать, написать, познать людей!

Журналист — профессия не из простых, в ней важно все, и главное — обязательное пребывание среди людей. Но вот этого главного у меня как раз и нет.

Конечно, никто в этом не виноват,

никто меня насильно не заставляет, не тянет в газету. Никому не станет плохо жить на свете, если я не буду писать. Только мне. Потому что уйдет тогда из моей жизни что-то очень важное, а может быть, даже сама жизнь. Ибодни, заполненные ничегонеделаньем — это уже не жизнь. Это просто существование. Которого не хочу. Которого боюсь. И потом, работа, дело... В моей жизни это прежде всего преодоление себя, своей инерции, комплекса неполноценности.

А вообще, что толкает меня к перу? Думаю, одно — жажда общения. Душа рвется к людям, к тому миру, что живет, пульсирует за моим окном. Ежечасно, ежеминутно, каждый миг. Там, за стеной моего дома, не просто родной город. Там — мир. Сосвоими судьбами, характерами. И прикоснуться к нему, описать его — моя задача.

Но это очень непросто. Я каждый раз мучительно подхожу к своей газетной работе, к новому материалу. Найти героя, дозвониться до него, договориться о встрече, встретиться, наконец, — здесь все трудно, все сложно. Потому что — ну что значит найти героя будущей статьи? Не пойти, не увидеть, не понаблюдать со стороны.

Мне всегда это почему-то напоминает игру в чет — нечет. Повезет — я познакомлюсь с человеком, о котором писать одно удовольствие. Не повезет... Значит, от встречи останется чувство досады: вот, потревожила человека, а писать, собственно, не о чем.

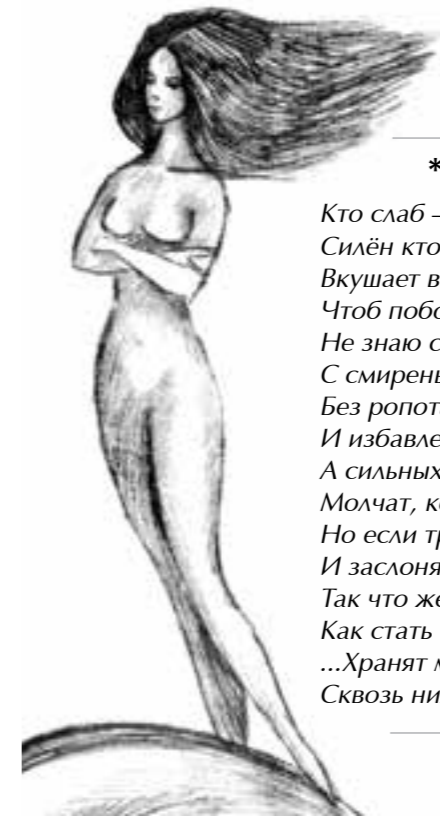
Когда случается такое, всегда винишь себя — наверное, просто не сумела. Разговорить, разглядеть, что-то понять и открыть для себя. Но самой тяжелой всегда бывает мысль, что взялась не за свое дело, влезла не в свои сани. Сидела б лучше со своими хворями в углу и помалкивала, не беспокоила б людей. Ведь несостоятельность моего материала — не только моя собственная боль, но и боль того человека, о котором писала. Он ведь шел ко мне, веря в мою способность сказать о нем то, чего, может быть, он сам в себе не подозревает. А я не смогла...

Порой я думаю: а потянулась бы я к перу, если бы не стечение моих обстоятельств? Да, я всегда любила читать. Любила дописывать, дофантазировать за героя, чтоб посправедливее, получше было. Писала сочинения почти всему классу. Но превратила бы эти занятия в дело своей жизни, если б не болезнь? Не знаю... Все равно, не заболел бы так тяжело — жизнь у меня была бы совсем другая. Лучше или хуже — не знаю. Но другая.

Но случилась болезнь. И жизнь сложилась так, как сложилась. И теперь я ни о чем не жалею. Да, много

было испытаний и мучительной беспомощности, отчаяния перед последней непокорной строчкой, но был и тот бушующий восторг, когда мое перо едва поспевало за мыслью, когда все казалось так легко и просто, а мир удивителен и прекрасен! Мое поражение в единоборстве с судьбой будет не поражением сломленного бедой человека, а просто несбывшейся мечтой.

...Когда я смотрю в окно на пробегающих мимо людей, я всегда думаю о том, что мне не суждено со многими из них встретиться, познакомиться. Что же, такова жизнь, в которой многие люди проходят мимо друг друга. И все-таки одна маленькая надежда у меня есть: а вдруг до сердца кого-нибудь из них долетит однажды и мое слово. И не просто долетит, но и согреет своим теплом. Мне бы это было очень приятно.

Такая это сила — ты!

Однажды в разговоре с одним местным начальником у меня вырвалась фраза:

— Просто вам еще не приходилось иметь дело с инвалидом с детства. Иначе вы бы знали, какая это пробивная сила.

Вырвалось невольно, само собой, но позднее, перебирая свою жизнь, вспоминая жизни своих друзей, коллег по такому же несчастью, я поняла, что я — права. И что надо, наверное, в кабинетах начальников всех рангов непременно повесить табличку со словами предупреждения или совета (тут

уж выбирайте как хотите), типа «Перед инвалидом с детства сдавайтесь сразу, ибо он все равно победит».

Великая пробивная сила — это, наверное, божий дар нам. За беззащитность, за невозможность иметь все то, что здоровому дается за просто так. Мы вынуждены бороться. И бороться за все. А главное — за само право жить на этом свете. Человеку, заболевшему или получившему травму в зрелом возрасте, может быть, в чем-то и труднее, чем тем, кто обречен с ранних лет. Ему надо свykаться с новыми обстоятельствами, надо привыкать к своей беспомощности, зависимости от всех и вся. Но, в общем-то, к моменту несчастья у него, как правило, уже все состоялось: работа, семья, жилье. У инвалида же с детства одни проблемы с ранних лет. Проблема лечения, образования, работы. Мы изначально обречены быть никем. И я рада, что многие мои сотоварищи по беде в этой самой главной борьбе со своей судьбой все-таки одерживают

*Кто слаб — тот знает цену этой слабости.
Силён кто — познаёт её вдвойне,
Вкушает всю, до самой-самой малости,
Чтоб побороть её потом в себе.
Не знаю слабых — видела угасших,
С смиреньем страшным в горестных глазах,
Без ропота судьбе себя на милость славших
И избавленья ждущих только в снах.
А сильных знаю, сильные повсюду —
Молчат, когда беда, молчат, когда светло;
Но если трудно вам, они протянут руку
И заслонят от бед своим плечом.
Так что же сила? Где ее истоки?
Как стать таким, чтоб пересилить зло?
...Хранят молчанье трудные дороги.
Сквозь них пройти мне тоже суждено.*

верх. Пример тому — жизнь художницы Людмилы Киселевой из Калужской области; писательницы Екатерины Дубро из Кемеровской области; поэтессы Людмилы Ишутиновой из Кирова, журналиста и редактора газеты для инвалидов «Здравствуй» Галины Дубниковой из Перми...

Список можно продолжать до бесконечности. Да и моя собственная судьба — это тоже постоянная борьба за право жить нам всем.

Начиная с десятилетнего возраста, когда я совсем еще маленькая девочка, растерявшаяся от открывшейся мне истины, что я никто, что я больна и здоровье мое на глазах ухудшается. Еще тогда, скорее интуитивно, просто понимая, что надо что-то делать, делать самой, не дожидаясь, когда кто-то это

сделает, кто-то вспомнит — я принялась за поиски своего доктора, своего лечения. Тогда мне казалось, что беда моя в том лишь, что я не могу попасть к хорошему врачу, в хорошую клинику. А как только я его найду — все сразу станет хорошо. И я писала и писала свои отчаянные детские письма куда только могла — в здравницы, клиники, врачам, о которых вычитывала в газетах и журналах.

Теперь-то я понимаю, что это было наивно. Но понимаю и другое, что именно это упорство в достижении цели дало свой результат потом, когда после 8-го класса мне отказали в обучении на дому, мотивировав это тем, что мне, человеку неподвижному, это вовсе ни к чему — все равно ведь сидеть дома.

Я доказала, что не зря считаю эту синенькую книжечку — аттестат о среднем образовании, лежащую сейчас среди остальных моих документов — самым главным своим достоянием. Потому что не будь ее — вряд ли появились бы и все остальные мои книжицы — члена Союзов журналистов России, члена Союза профессиональных литераторов.

* * *

*Говори мне самое хорошее,
Говори — не бойся этих слов.
Сыпет дождик мелкие горошины
На ночное, чёрное стекло.
Завтра снова утро будет ясное,
Тронет ветер гроздь хрустальных бус,
Заглядится солнце рыже-красное
В зеркальца бездонных синих луж.
Раскритчатся птицы над планетою,
Звонкой песней тронув тишину.
Сердце, твоей нежностью согретое,
В это утро я с собой возьму.*

Но борьба за выживание все равно продолжается, ибо жизнь не стоит на месте, принося новые проблемы, испытания, трудности. И всякий раз, оказываясь один на один с очередным вопросом: «Быть или не быть», я зажимаю все свои эмоции в кулак и, приказав себе быть, устремляюсь вперед. Чтобы в очередной раз и из этой схватки выйти победителем. Потому что другого пути у нас просто нет, ибо такая уж вот мы гвардия — инвалиды с детства. Вечные борцы за жизнь...

А они счастливы?

Солнце в мою комнату заглядывает только утром. Два-три часа — и вновь краски приглушены, погашены.

Летом хорошо — почти постоянный холодок позволяет свободнее дышать

моему больному сердцу. А зимой душа просто изнывает в тоске по солнцу. И начинаешь даже завидовать тем, у кого окна выходят на юг. И такие тогда удивительные картины предстают перед глазами: желтые пятна солнца на полу и стенах, игра солнечных лучей на посуде...

Но винить некого — я сама выбрала эту сторону. Захотелось, чтобы окна выходили во двор, на улицу. Думала, буду видеть город, людей.

А вижу в основном лишь стену дома напротив. Три окна в одном ряду, три — в другом. Даже, чтобы увидеть кусочек неба в углу окна, приходится прилагать усилие — наклоняться, тянуть шею.

Иногда в этом уголке появляется звездочка. Эдакий осколочек от елочной игрушки — блестит, сверкает на черном бархате неба.

Мне очень нравится смотреть на звезды. Бывая летом в санатории,

я всегда ненасытно смотрю на них. Специально выбираю темный уголок, куда не доходят огни фонарей — и смотрю, смотрю...

Мне нравится мысль, что и на других планетах тоже есть жизнь. Иногда у меня возникает острое желание — подсмотреть. Ну как бы тайком подкрасться и заглянуть, словно в окошко: а как там, у них? И есть ли у них больные? Ну, такие как я, например? Чтоб ни шагу шагнуть, ни руки не поднимать? И как они переносят эту беду, что делают, к чему стремятся? А главное — счастливы ли?..

И стоять на краешке беды

— Тошно!

Голос в телефонной трубке горький, тоскующий.

— Ой, как плохо сидеть-то. Тошно, ой как плохо.

Голос уже дрожит, прерывается в долгих вздохах, всхлипывает. И я представляю, как она сидит на кровати — маленькая, худенькая, с растрепанными седыми прядями, падающими вдоль щеки. Измученная, раздавленная своей неожиданно обрушившейся болезнью, на седьмом десятке лет вдруг сделавшей ее тяжелым инвалидом. Ее, всегда такую подвижную, скорую на ногу.

— Что делать теперь будем-то, что делать?

Она уже плачет, поскуливая в телефонную трубку, как собачка, и я понимаю, что надо брать инициативу в свои руки.

— Да ты что, тетя Лиза! — я прямо-таки полна недоумения. — Да чего же плохого-то? Да гляди, красота-то какая: сидим с тобой, как королевы, только пальчиком указываем — и тонам подай, и другое поднеси. Не жизнь, а малина просто...

Я говорю нарочно весело, даже игриво, будто и в самом деле довольная своим неходячим, беспомощным положением. Я говорю это прямо-таки с неподражаемым талантом лучшей в мире актрисы. И добиваюсь желаемого — голос на другом конце трубки веселей. Потом и она уже начинает шутить, а прощается и совсем весело. А я, положив трубку, долго сижу, подперев кулаком щеку, и смотрю в окно. Мне совсем даже далеко не весело.

Когда беда приходит неожиданно, это страшно. В самом деле — бегал, сутился, делал то одно, то другое, многое не успевая, многое откладывал назавтра. И вдруг все — нелепая болезнь, трагическая случайность. И вот ты уже раздавлен, ты в отчаянии...

Однажды мне рассказали историю о том, как человек, спортивного телосложения, отличного здоровья, в мгновение превратился в слабого и беспомощного. Его сбила машина, сбила серьезно — оказались раздроблены позвонки. Полная парализация, отсутствие чувствительности.

Человек выжил, и хотя оказался навсегда прикованным к постели, сумел закончить университет, защитить диссертацию, вырастить с женой хорошего сына.

Да, эта история оказалась с благополучным концом, и я тогда подумала: а если б рядом не оказалось добрых людей, если бы не протянули они руку помощи? Ведь сколько, сплошь и рядом, мы наблюдаем другую картину: заболела бабушка или старая мать — и не мудрствуя лукаво, не обременяя себя заботами, ее спрашивают в дом престарелых. Умерли или погибли родители

— и ребенок, еще недавно купавшийся в любви, отправляется в сиротский приют.

Правда, ребенок вырастет, он еще заживет, может быть, светло и счастливо. А для брошенной старушки — это все. Из этого приюта она уже не выберется. Это ее последняя обитель...

Я помню тетю Лизу, вечно спешащую по своим делам, и теперь мне трудно представить ее неподвижно сидящую на кровати целый день. Только окно объединяет ее с миром. Окно, за которым солнце, деревья. И спешащие по своим делам люди.

К такому состоянию нельзя привыкнуть сразу. С ним сживаются, как с неизбежным.

Говорят, за границей, в цивилизованных странах, создали целую методику плавной адаптации внезапно заболевшего человека к новым для него обстоятельствам. Там его учат, обучают, внушают мысли, что ничего не потеряно, и жизнь даже в таком состоянии прекрасна и удивительна.

Мы же сразу ставим точку на всем. Жизнь кончилась, осталось теперь только доживание ее. Мучительное и горькое. На скудное подаяние, называемое пенсией, в постоянной борьбе за то, другое. Ибо когда ты беспомощен, твои пустяки превращаются в проблему. Проблема — дотянуться до нужной книги, стоящей на полке, до стакана с водой, если его поставили не на том расстоянии от тебя, на какое следовало бы. И так далее, и тому подобное. Но главное — это мучительный страх перед днем грядущим, перед завтрашним днем: как жить?

...И словно опять я слышу горестный плач своей знакомой тети Лизы:

— Что делать-то, что делать теперь?..

Наверное, все-таки надо как-то крепиться. Облегчает душу молитва — значит, молиться. Радуют разговоры с людьми — значит, общаться побольше. Все равно жить придется. К тому же — даже в таком положении, при таком здоровье, жизнь чем-то да все равно радует. И хорошо бы эту вот самую радость поймать и долго-долго не выпускать из своих рук. Даже и из парализованных.

Жизнь!

Недавний телефонный разговор с приятелем. О том, о сем. И вдруг, словно удар кнутом по обнаженному телу — «Ты благополучная?»

— Благополучная?!

На секунду даже перехватило дыхание. Это с тридцатилетним сроком неподвижности-то благополучная? Когда не то что шагу ступить — положение не изменить в постели...

Но вихрь взметнулся и опал, подобно осенней облетевшей листве...

А почему и нет? Продержаться до сорока с такой тяжелой болезнью и не потерять интерес к жизни, стремления к ней, остаться не озлобленной и не завистливой. Чем, собственно, не благополучие, чем не редкая удачливость? Еще какое и благополучие-то...

И правда, не стоит, наверное, винить Бога, не стоит скулить и жаловаться. Надо благодарить судьбу хотя бы за то, что, во-первых, не обрелась на раннее сиротство. Сколько ведь таких обиженных жизнью и без здоровья и без близких по казенным углам мыкаются. А тут всегда рядом родители — любящие, заботливые. И уж если начинать вести счет хорошему в моей жизни, то эта косточка на счетах, пожалуй, самая важная. Свой родной уголок, родительские стены — ну что может быть лучше этого, надежнее?

А вторая косточка — это мой Вася. Муж. Друг. Моя главная нянька и сиделка. Мой самый большой помощник во всех делах моих. Постоянное надежное плечо рядом, на которое всегда можно опереться. Ведь только отсюда, из надежного тыла, быта обустроенного — и мои очерки, и мои рассказы, стихи и статьи. Мои публикации в прессе.

Да, у меня есть все, у меня все получилось. Спасибо добрым людям, спасибо Богу. Не голодаю. Не замерзаю. А благодаря моей электрической коляске даже передвигаюсь свободно по квартире, которая тоже оборудована специально под меня — широкие двери, свободный выезд на лоджию... Конечно, благополучная. Но только вот что хочется сказать.

Мы все родились на свет одинаковыми. Всем даны голова, руки, ноги. Всем дана жизнь. Одна. Плохая или хорошая. Главное — единственная. И которую надо прожить. С улыбкой, слезами, болью, сжав кулаки — это уж кому как повезет. Кому как на роду выпадет. И кто как сам этой жизнью распорядится.

В 17 лет, когда мне стало известно, что я никогда не встану на ноги, что отныне мой удел — инвалидная коляска да окно с кусочком неба за ним, я просто сказала себе: «Жизнь все равно прекрасна».

Говорю это и теперь, в свои сорок с хвостиком — прекрасна! Несмотря ни на что. Потому что все в жизни можно перенести, все пережить — боль, потери. Главное, заручится верой — что так надо. Неважно кому, неважно зачем. Но надо. Тогда и силы найдутся. И тогда однажды, кто-то и здоровее тебя, и физически сильнее, и состоятельнее материально, вдруг скажет тебе, не скрывая зависти — ты благополучная...

А что, может, это и здорово, а?

Тамара МУРУНОВА
г. Похвистнево

* * *

*Ясность солнечной дали
И небес синева
Нас с тобой повенчали
У лесного костра.
Нас с тобой обручили
Посреди тишины,
По цветочку вручили —
Знаку верной любви.
Было всё просто в шутку,
Было всё просто так —
Только что же так гулко
Бьётся сердце в висках?
Что тревожит, изводит?..
Гаснут искры костра...
Может, детство уходит,
Покидает меня?*

* * *

*Я лист поймала на ладонь,
Осенний лист кленовый,
И будто маленький огонь
Внесла в свой дом холодный.
Он так доверчиво приник,
Листочек этот тонкий,
Что показалось, в этот миг
Внесла в свой дом ребёнка.
Теперь богато я живу —
Пусть ни хором, ни денег,
Зато теперь в моём доме
Мне солнце моё светит.
Зато теперь, в снега ли, хмурь,
И при любом ненастье,
Я знаю: ждёт в моём доме
Меня кусочек счастья.*

И вновь ваши письма, ваши трепетные строчки, которые мы читаем с таким волнением и радостью. И вновь ваши отзывы, впечатления, ваши трогательные откровения... Их становится все больше, и порой ваши голоса доносятся из таких дальних краев, что мы не перестаем удивляться. И хотя мы не всегда, наверное, успеваем ответить каждому, но каждое ваше письмо для нас по-прежнему бесконечно дорого, и по-прежнему каждый прилетевший конвертик мы открываем, затаив дыхание — чья же судьба, чье же сердце приоткроется нам на этот раз...

Я была очень рада познакомиться с вами и вашим журналом — от него я вообще в восторге. Цельный день читала и перечитывала. Понравилось всё: оформление, содержание, но главное — его направленность. Это не привычный журнал, каких уже много, где в основном — стихи, проза, да пару страничек публицистики. «Поле Надежды» — добрый собеседник, друг. Я с таким удовольствием читала беседы Андрея, размышления Саши, письма друзей журнала... Молодцы вы, ребята.

*Тамара Мурунова,
Самарская обл.*

Большое спасибо за журнал. Я прочла его от корки до корки. Мне второй номер очень понравился. По-моему, он какой-то органичный и целостный: читается на одном дыхании. Вы набираетесь опыта и мастерства, но трогает меня душевность. Я нахожу в «Поле надежды» то, что искала давно и находила в большинстве только в поэзии — удивительную искренность. Я знаю, чего это стоит, и оттого от всей души поздравляю с удачей. Вы делаете очень нужное дело... А «Диалоги о главном» уже написаны целиком? Так долго ждать следующего номера, а это — то, от чего у меня душа замирала!...

Жанна Деркач, Москва

Жа первомайских выходных меня не было дома. Возвращаюсь — и приятная неожиданность: чудесный конверт с «Поле надежды». Первое впечатление (оно же второе, и третье) — журнал сделал огромный шаг вперед. Это касается всего — от верстки и оформления

до содержания большинства материалов. Очень понравились детские стихи! Словом, он обрел свой, вполне профессиональный голос.

Но, пожалуй, главное — журнал нашел свою нишу. Это — жизнь человеческой души. И это, как мне кажется, самое ценное. Ведь подавляющее большинство изданий инва-прессы сосредотачиваются на информации и критике существующего порядка вещей. Но кроме хлеба насущного, человеку, особенно имеющему ограниченные возможности общения, очень нужна пища духовная. Замечательно, что вы сосредоточились именно на этом.

А еще меня радует, что у вас появились читатели и авторы далеко за пределами Чувашии. Как к ним попадает журнал?

*Екатерина Зотова,
Москва*

Жастроение поднялось сразу же, как взяла в руки конверт. Невозможно было не улыбнуться сияющему с конверта солнышку — и все невзгоды отступили. Как же я благодарна Богу за встречу с вами и вашим восхитительным журналом, за тепло ваших сердец, за поддержку! И слово молитву повторяю слова данной вами клятвы, и верю, что к ней присоединятся еще тысячи других людей во имя Света и Любви!.. Я верю, что это не просто громкие слова, — это призыв, который слышен и уже действует.

*Людмила Колобова,
г. Пучеж*

Я очень люблю осень. Люблю наблюдать из окна за дождем, смотреть на грустные, съезжившиеся деревья. Осенью природа обнажается, и становится видно, какая она на самом деле... А потом наступает зима, и деревья одеваются в белую шубу. Весной — в зеленый сарафанчик, а летом — в бальное платье...

Я часто лежала в больнице зимой и любила смотреть на ночной город, сидя на подоконнике. Я смотрела, как его засыпает снегом, как замечает следы на тротуаре. Наблюдала за окнами домов, за их огнями. Казалось, что они подмигивают мне. И в то же время я знала, что меня там не ждут... Я всегда утешала себя тем, что, может быть, где-то за одним из этих окон живет моя любовь и даже не догадывается, что я здесь, совсем рядом, и жду ее...

Сейчас, возвращаясь вечерами домой из школы, я останавливаюсь около фонаря и смотрю на небо, на звезды, на падающий снег. И мне кажется, что это не снежинки падают, а я лечу им навстречу. Я все лечу и лечу, пытаюсь долететь до звезд... В эти минуты я вспоминаю тебя и надеюсь, что ты тоже в это время смотришь на небо и на звезды...

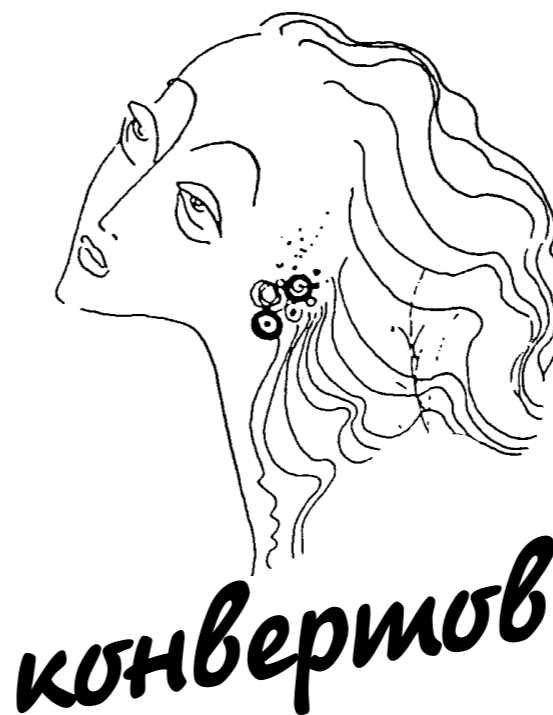
Ирина, г. Покров

Откровения из конвертов

О чем я только не мечтаю! Мечтаю, например, о розовом домике и красивом саде. Есть, правда, и самые обычные мечты: чтобы у нас в семье был мир и покой, чтобы мой племянник стал человеком. А есть еще много-много странных и чудачковатых желаний. Например, я мечтаю прокатиться верхом. При этом, даже не представляю, как смогу забраться на лошадь. Еще мечтаю пройтись под парусами. Нет, не алыми; белое на синем мне почему-то нравится больше. А еще — попробовать манию. Вообще, а что такое маниюка?.. Мечтаю о путешествиях. Так хочется побывать в Санкт-Петербурге! Это мой любимый город, хотя я там ни разу не была... Хочу проехать всю Волгу. Говорят, что где-то ближе к Астрахани есть целые поля тюльпанов. Как, наверное, потрясающе красиво!.. Хочу побывать в Италии, а еще — в Германии, чтобы увидеть Сикстинскую Мадонну Рафаэля. Говорят, эта картина висит в отдельном зале. Она такая большая, и создается впечатление, что Дева Мария, действительно, смотрит на тебя с небес своим кротким, задумчивым взглядом. И хочется встать перед ней на колени... А еще я мечтаю, чтобы меня любили сильно-сильно, нежно-нежно, красиво-красиво. И рядом с этим человеком мне будет любой серый день казаться розовым...

Лена, Ивановская обл.

Я часто вспоминаю слова преподобного Амвросия Оптинского и думаю, что они, наверное, как раз обо мне: «Не смиряешься, оттого и не имеешь покоя». Хотя вся реальность моего положения и все случаи в жизни говорят о том, что я должна стремиться к чему-то более высокому, вечному — но увы, я не перестаю мечтать и думать о пустом... Бывает, идешь по улице, видишь счастливые, улыбающиеся лица; потом заходишь домой — а над тобою столько темных туч... Тогда я закрываюсь в своей ком-

нате, достаю журнал и затертые письма, снова читаю знакомые строчки — и тучки уходят, одна за другой, и их заменяют разноцветные капельки. И я снова прошу у Бога: «Боже Милостивый, научи меня радоваться счастьем других и желать его им от чистого сердца...»

Как жаль, что душевная радость такая недолговечная, и солнышко светит не всегда. У меня не получается всегда быть веселой и радостной. Но в любом случае, я никогда не скажу, что нет любви и счастья. Просто, это счастье, действительно, нужно заслужить, заработать в борьбе с самим собой... Вот только, увы, на практике опять ничего не получается. Дьявол даже подвинуться не хочет!.. Да, как точно сказал Серафим Саровский: «Добродетель — не груша, сразу не съешь». А хотелось бы!

Впрочем, я, наверное, не права, кое-что всё же получается. Например, я раньше думала, что любить природу и любоваться ею — грех, потому что читала: «Не любите мира, ни того что в мире». Глупо, конечно. Я очень люблю горы, леса, восходы и закаты, птиц и майские дожди. А позже прочитала, что любя природу, мы любим не временное, не тленное, а вечное, данное нам Богом. Я даже передать словами не могу, как я обрадовалась! Ведь мы же живем рядом с морем!..

Наталья, г. Ейск Широкая

ЖНедавно моя бывшая учительница прислала мне ваш журнал «Поле надежды». Это — просто чудо! Это, действительно, то поле надежды, которое люди ищут много лет, но редко кто находит. Поверьте, это не красивые слова, а чистая правда! Мне так понравился ваш журнал, что сразу захотелось внести в него частичку своей души, своего сердца... Может быть, эти стихи, которые мне хочется подарить вам, помогут кому-то в горестные минуты жизни, или просто понравятся кому-нибудь.

Луна гуляет рыжей кошкой
По черной скатерти небес,
Звезда упала жгучей крошкой
В дремучий темно-синий лес.
Земля заснула снам глубоким.
А завтра алая заря
Поднимется к горам высоким,
Чтоб утру радовалась я!

*Инна Кочетова,
Пензенская обл.*

Получила журнал «Поле надежды», большое спасибо. Журнал сделан с любовью, прекрасно оформлен. А главное — от него веет чистотой... Вы наделены самым большим даром — даром любить. Вы обогреваете и вселяете веру в то, что не все безнадежно плохо. Это дорогого стоит в наш век.

Меня очень тронули многие материалы. Запомнилось «Украденное чудо». Да, нелегкая судьба у Галины. Жестокая мать, но мать осуждать нельзя, что не разрешила приехать мужчине из мест не столь отдаленных. Трудно предсказать, как поступят люди в тех или иных обстоятельствах...

Я до сих пор вспоминаю один случай, произошедший около двух лет назад. Поздно вечером ко мне кто-то требовательно постучал в дверь, и мужской голос попросил открыть, сказав, что он друг моего бывшего зятя (который погиб) и принес игрушки для моей внучки. Я ответила, что ни дочь, ни внучка, здесь не живут, и чтобы он уходил, иначе позвоню в милицию. Но тот оборвал телефонные провода, выбил замок, забрал телевизор и ушел... После его ухода я стучала

в стену, по батареям, кричала в открытую дверь («помогите!») Но никто не пришел на крик, хотя все знали, что здесь живет больная, беспомощная женщина. Так я и провела ночь при открытой настежь двери... Потому-то я и не удивляюсь, что другу Галины не разрешили приехать и зайти в дом.

Как живого я вижу Славку, напряженного до предела. Сильная спастика — ужасная штука, она не дает мышцам двигаться так, как хотел бы их хозяин. Но все-таки Славка пытается самовыражаться. Если бы здоровые люди были такими же целеустремленными в добрых делах, как Славка, если бы все также стремились к Солнцу, то земля превратилась бы в рай...

Перелистываю последнюю страницу журнала — и я снова удивлена. Передо мной простенькая картина: девочка, привставшая на цыпочки. Она разглядывает удивленными глазенками не то бабочку, не то цветочек... Увидев это, я долго улыбалась. А потом вспомнила, как много лет назад, сидя у окна, увидела мальчика, которого волокла за руку мама. Он не поспевал за ней, но и в таком положении сумел рассмотреть красивый цветок под моим окном, мимо которого они проходили. Мальчик пропел нежным голоском: «Мама, посмотри, какой нежный цветочек!» А в ответ я услышала грубый голос: «Идем скорее! Не останавливайся, мы опаздываем.»

Я вспомнила это и подумала, что, наверное, ваш журнал чем-то похож на того мальчика. Вы видите вокруг себя много прекрасного и стараетесь, чтобы это увидели и другие. Вы на своем Поле сеете доброе и вечное, и оно непременно даст урожай. Вы стараетесь раскрыть возможности инвалидов, вселить в них веру и надежду. Своими убеждения, добротой и искренностью вы покориете сердца людей. Дай вам Бог сил! Дай Бог вам расправить крылья и взлететь на большую высоту! И пусть процветает ваш журнал, пусть он станет толстым и любимым всеми, — и здоровыми, и больными.

*Екатерина Лошкова,
г. Бийск*

Мое детство – подарок мне на всю жизнь. Оно вспоминается мной как чудесная сказка, где бродят кони неопишуемой красоты, и лосенок берет своими беззащитными губами хлеб у тебя из руки... Там, в этом далеком, но нескончаемо близком мне детстве все события кажутся настолько прекрасными и значительными, что никакой вымысел не идет с ними в сравнение...

Мы жили на берегу Суры, возле соснового леса. После дождя из окна можно было забросить «удочку» из палки с бечевкой в лужу, которую подарили только что отшумевшие струи, и спокойно ловить мгновения счастья. Мир цвел и пах, щебетал и пел, переливался тысячами оттенков! Тысячи ароматов и других живительных запахов врывались в грудь. Душа готова была кричать от переполнявших ее чувств... И такая наполненность жизнью повторялась каждое лето; до тех пор, пока мне не исполнилось семнадцать, и я перестал ездить из города в родные места...

Прошло уже много лет, но эти, первые впечатления не забылись и не потускнели. Память о них и помогает мне писать стихи для детей, преодолевая все свои болезни и инвалидность.

Юра, г. Чебоксары

Ах, люди, люди! Знаете ли вы, что происходит сейчас в мире?! Пока мы тут хлопочем со своими делами, за окнами наших домов творится нечто невыразимо прекрасное – Весна! Знаете, как у нас тут все зеленеет, распускается, цветет! Едешь по городу на велосипеде – а вокруг все поет, щебечет, над головой кто-то порхает, заливается, в кустах кто-то ходит, шелестит листвою. В общем, кругом жизнь и эйфория. У меня частенько перед наступлением этой эйфории появляется робость, граничащая со страхом: мол, придет это Чудо, а я летать не умею. И действительно, это наступает и говорит: «Эй, ну, что же ты! Пошли, летаем!» А я с грустью констатирую: «Не умею я». И смотрю, как летают другие...

Весна – это не просто время года. Это пора полетов и вдохновения, пора пробуждения и любви! Ах, как это здорово звучит! От одного названия хорошо становится. И дело остается за малым – шагнуть весне навстречу...

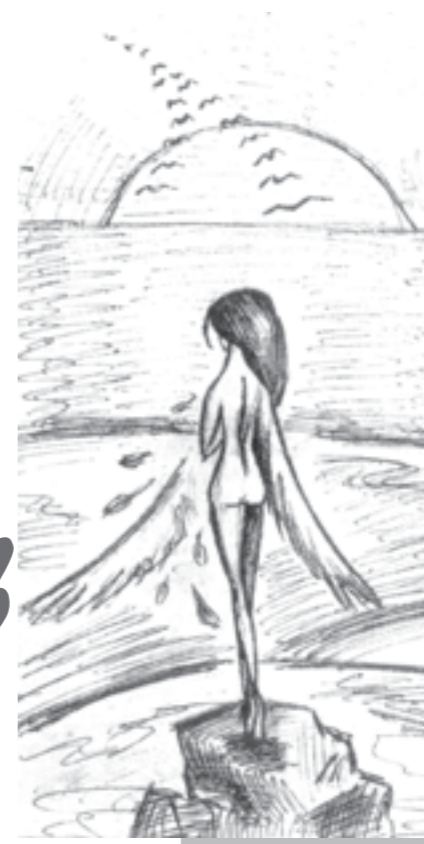
Андрей, г. Чебоксары

В наше время так трудно найти людей, с которыми можно было бы поговорить о звездах, стихах, любви... У меня много знакомых и друзей, но я почти всегда чувствую себя одинокой. Вроде бы, все хорошо: мы весело проводим время, хорошо развлекаемся, рассказываем друг другу о чем-то. Но у меня нет человека, с кем мы были бы близки душами. Почему-то сейчас все больше людей с тугими бумажниками (которые думают, что если у них есть деньги, то они могут все-все), но бедные внутри... Вот я все думаю: а каким же будет наше будущее поколение, глядя на нас? Наверное, ничуть не лучше.

откровения из конвертов

Спасибо за драгоценный подарок – второй номер «Поля Надежды»! Журнал немного изменился – похорошел, красивая обложка. И ещё в нем появилось кое-что новенькое. В первом номере почти все материалы были глобального масштаба – о красоте души, о доброте, об отношении к жизни. А в этом номере вы будто немного спустились на землю: затронули ряд бытовых, банальных, но таких важных проблем. Это и личное счастье, и боязнь косых взглядов, и проблемы с трудоустройством. И мне это очень нравится. Нравятся вопросы, которые вы поднимаете.

Например, вопрос Танечки Захаровой. Конечно, на него лучше ответить мужчинам. Но всё-таки, мне кажется, не прав «поэт из 19 века». Настоящие мужчины не перевелись, просто их мало. А разве в 19-м веке не любили стройных и изящных? Нет, хоть времена и другие, но люди – почти такие же. И есть мужчины, которые любят, несмотря на внешне неприглядную «оболочку». Помню слова моей соседки по больничной палате: «Глядишь, идет высокий красивый мужчина, везет колясочку, а рядом еле ковыляет что-то маленькое, страшненькое. А он смотрит на нее с такой любовью, с какой на меня, здоровую нормальную бабу, никто не смотрел»... А сколько я статей читала о подобных случаях! Так что, думаю, не стоит обижать сегодняшних мужчин. Просто, чтобы тебе повстречался принц, надо самой быть принцессой...

Кстати, я в свое время даже опрос такой проводила: «Могли бы Вы полюбить девушку-инвалида и даже жениться на ней?» И что интересно, никто не ответил категорически «нет». Один даже выдал: «Конечно! Она изменять не будет». Видать, довели парнишку ультрасовременные девушки. Другие отвечали с условиями, которые сводились к тому, чтобы в ней было что-то особенное. Например, добрая душа, или глаза какие-то особенные, или улыбка...

Да, все-таки, любовь есть и в наше время. И ей нет разницы, какое у человека тело. И как раз 2-е письмо – «Украденное чудо» – разве не доказывает это? Правда, печальная эта история. Обидно, больно, несправедливо, и... нет виноватых. Ведь и родных Галины можно понять. В тюрьме зачастую сидят не ангелы... И все равно на нее,

когда люди за окном думают, что инвалид нуждается только в уходе. А вдвойне больше, когда в праве на личное счастье тебе отказывают самые близкие люди...

Но самое большое удовольствие мне почему-то доставило интервью с А. Насекиным – словно свежий ветерок подул (у Андрея всегда так здорово получается брать интервью – легко, живо, с юмором)! И хотя ничего нового для себя не открыла, потому что сама пришла к таким же выводам лет 5 назад, но некоторые мысли достойны стать просто жизненным лозунгом. «Дал Бог тебе испытание, дал Крест – так неси, преодолевай! Чего сдаваться?» Ну, что еще к этому можно добавить?... Мне это чувство стеснения перед взглядами тоже знакомо. Лично меня, например, больше всего пугали дети. Да, да! Как услышу: «Мама, мама! А почему эта девочка такая?» – хотелось сквозь землю провалиться... Не знаю, как это случилось, но однажды я поняла, что дети ведь просто познают мир, и им интересно, почему я двигаюсь не как все. И однажды я заговорила со стойкой детисек, что глядели на меня во все глаза. Они задали пару вопросов – и утратили всякий интерес ко мне. А однажды, вижу – идет один мальчик, который меня тогда расспрашивал, а с ним его друг, идет и не отрываясь на меня смотрит. И тут мой «знакомый» его одергивает: «Ну чего уставился! Людей не видел?..»

Вот так потихоньку я и стала понимать, что проблема не столько в том, что общество инвалидов отталкивает. Гораздо чаще люди просто не знают, как на них реагировать. И я не согласна со словами Анечки Кулалаевой, что этих людей жалко – они, мол, погрязли в материальном, а я хоть и инвалид, но счастливее их. Это какая-то дискриминация наоборот. Все эти «охи» и «ахи» продиктованы ведь добротой и жалостью, а не желанием как-то унижить, причинить неудобства. А чтобы над тобой не причитали – докажи, что ты достоин уважения, а не жалости! Например, как Саша Насекин или Юра Ильин. Или Слава Арсентьев – вот он-то уж, казалось бы, совсем ничего не может делать. И все равно делает, творит... Ему, я думаю, не трудно нарисовать солнце. Да, тяжело физически. Но гораздо хуже, когда у человека работают руки и ноги, а он не может изобразить солнце, потому что не видит его, не обращает внимания. А Славе вряд ли надо рисовать солнце. Он сам для всех нас – как солнышко...

Лена Горбачёва, Ивановская обл.

целая полоса дубов и прекрасная маленькая полянка. Весной весь сад наполняется пением соловьев, а чуть раньше – скворцов. У нас много скворечников, и птицы прямо на глазах выводят птенцов, учат их летать. За ними очень интересно наблюдать. А когда начинают цвести деревья – просто рай! Яблоки, вишни, груши, сливы, черемуха... Я ни за какие богатства на свете не променяла бы нашу усадьбу! Ведь эта красота окружала меня с детства, я там выросла, и что бы ни случилось, я знаю: меня там всегда ждут. Ждут люди, которые меня любят, и которых я очень люблю...

Ирина, Башкирия

Какой прекрасный день сегодня! Яркое-яркое солнышко, голубое-голубое небо, свежий летний ветерок... Как здорово просто так идти, мечтать о чем-то... Летом сама природа словно открывается перед человеком. Плоды растений и деревьев, даже воздух, солнце и ветер, даже просто травы под ногами – все словно показывает, как нечто Высшее и Светлое любит человека, насколько велика и, может, даже бесконечна Его нежность, обращенная к нам. И мы тоже Его любим. Правда ведь?..

Порой, когда я мечтаю, мне очень хочется собрать всех своих друзей, всех родных и любимых людей где-нибудь у костра. Петь песни и делиться всякими хорошими мыслями и чувствами, мечтами даже... А может, и правда, когда-нибудь все наши самые светлые и добрые мечты сбудутся? И соберемся мы однажды всей дружной оравой на опушке волшебного леса, на полянке у сказочной реки, и сядем вокруг костра. И как начнем мечтать – только держись!.. А правда, ведь как было бы здорово, если бы, допустим, раз в год в какой-нибудь определенный день всем людям собраться вокруг общего костра (или можно просто собраться, но вокруг чего-то общего) – и мечтать! А еще можно будет делиться важными сведениями: кто что хорошего надумал в течение года, кто что понял, открыл для себя, или сделал для других. А под конец, когда наговоримся вдоволь, намечтаемся – пойдем хоровод водить, петь и танцевать. А может, наоборот, сначала гулянье-веселье, а потом дума-мечта волшебная? Это надо додумать...

Маша, Кировская обл.

Мы надеемся, что ваши письма никогда не закончатся, что откровения из ваших конвертов будут по-прежнему прилетать на наше Поле. И это станет также естественно, как облака и ветры, что летят над нашим Полем, как солнышко, которое светит всем нам. И это станет нашей рубрикой, нашей постоянной и самой любимой рубрикой – откровения наших сердец...

С Володей Калинченко мы познакомились в 1997 году. Меня пригласили в качестве гостя на встречу в клубе инвалидов «Ромашка». Предполагался рассказ о II Всероссийском фестивале творчества инвалидов, лауреатом которого я стала.

И, конечно же, показ работ... Взяла я папку с рисунками, большую коробку с керамическими изделиями — и поехала. Всю дорогу не покидало чувство тревоги — будет ли интересно то, с чем еду. И вот я на месте. Рядом со мной оказался высокий худенький молодой человек.

Промелькнула мысль: «Вот он, мой зритель и слушатель». Даже если бы больше никому это не было интересно, все равно, было кому рассказывать. Стало легко и просто... Встреча прошла прекрасно: задавалось много вопросов, с интересом рассматривалось и комментировалось все, что привезла. А вот первой точкой опоры оказался этот молодой человек — Володя Калинченко.

Потом я познакомилась с его творчеством. У Володи прекрасная лирика, пишет сказки, детские стихи и композиции о жизни и творчестве любимых поэтов.

О поэзии он может говорить бесконечно, цитируя любимые строчки. Его приглашают в библиотечное училище на своеобразные уроки для нынешних студентов. А в клубе «Ромашка» хорошо знакомы с его композициями и поэтическими произведениями.

На Володины стихи написаны более десяти песен, печатались стихи в газетах и журналах.

Я рада познакомить с творчеством Владимира Калинченко читателей журнала «Поле Надежды».

Наталья Непоменко
г. Ростов-на-Дону

Владимир Калинченко

Любимые любимым
гарят нежность, —
Не всем же, Впрочем, это суждено...
...Мне оставалось только
безнадежность
И разочарование одно.

А о любви так редко говорил я
(В моей душе сомнения
и страх)...
И пусть порой проскальзывала
сила
В моих как бы нечаянных
словах, —

Но разве Вслух они произносимы?
Когда они звучат, им —
грош цена.
...Другие уводили прочь
любимых, —
Мне оставались только
имена.

Настойчиво и настойчиво
К этому обращаюсь,
И никогда, наверное,
С этим не распрощаюсь.

Настойчиво — о, настойчиво! —
Меня ты к себе звала:
Вселенная на краешке
Письменного стола.

Как зеркало я
На осколки хочу
Раздробиться,
Чтоб в каждом
Осколке моем
Отразилась
Этого мира
Частица.
Маленький, я
В мире большом
Отражаюсь.
Во мне
Отразится ли
Мир?..

ЧАШКО-ФОН

Чашко-фон,
Чашко-фон...
Слово-то какое!
О, скажи мне,
Чашко-фон —
Ты похож
На телефон
или на другое?..
Говорю я:
«Чашко-фон»,
Представляю:
Те-ле-фон,
... Дзинь-дзинь-дзинь!
Это — он?
Чашко-
теле-
чашко-
фон?!..

ДЕВОЧКА И МЫШКА

Не дарите мне игрушку —
Куклу, белочку, мартышку,
Лучше подарите мышку,
Белую, живую мышку!
Стану я ее ласкать,
И тихо-о-нько напевать:
«Мышка милая моя,
Мышка ма-лень-ка-я!..»
Будем мы с тобой подружки —
Будем так нужны друге дружке:
Будем днем играть, гулять,
Ночью — вместе — сладко спать,
Будем вместе — ты да я, —
Мышка белая моя!

Иллюстрации к стихам выполнены Н.Непоменко

В океане жизни я не умею плавать — только барахтаюсь беспомощно, все ищу спасительного берега, и не нахожу его... Океан, в котором я чувствую себя как рыба в воде — Океан Поэзии. Его благословенные воды омывают душу мою, по нему я готов плыть без конца, и это не утомительно и совсем не страшно, наоборот — радостно! О, великий Океан Поэзии, ты исцеляешь от хвори душевной и даришь надежду страдающей душе... Даришь надежду тем, кто решится ступить в твои животворные воды, чтобы плыть-плыть-плыть без конца...

Мой мир за розовыми окнами

Я так хочу жить в комнате с розовыми окнами, и каждый день просыпаться с прекрасным настроением, и смотреть на мир, который таким безмятежным кажется нам, когда мы смотрим на него в розовое окно. И пусть тревоги, печали и тяжкие заботы не коснутся моего сердца, пусть до конца мой мир будет наполненным тихой музыкой, ласкающей слух, утешающей сердце... Как я люблю эту — несбыточную! — жизнь в комнате с розовыми окнами...

Необретенное хуже, чем утраченное. Ибо утраченное все-таки было когда-то и радовало душу, а необретенное — это то, чего не было никогда, чего душа не знает... Так, чем дальше душа не знает любви, тем сильнее и болезненней стремится к ней, и страдает, не обретая.

Мы все оставляем за своей душой право быть грешной: грешить, грешить до конца этой земной жизни, увы, часто без намека на покаяние. Лишаем себя возможности покаяния? Возможно, лишаем.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗКИ

Дорогие голубые глазки,
Очень долго Вы читали сказки.
И устали — спать захотели,
И теперь лежите в постели.
Спите. Спите, голубые глазки —
Завтра будут Вам иные сказки,
Голубые рыцари, принцессы,
Всадники из голубого леса,
Голубые замки...
Будет это!..
А пока — спокойно — до рассвета
Спите, спите, голубые глазки.
Из какой ко мне пришли Вы сказки?..

Мы уже привыкли к тому, что наш журнал каким-то удивительным образом, сам собой, путешествует по самым разным городам и порой даже странам. Но чтобы «Поле Надежды» дошел аж до Америки — для нас это было полной неожиданностью. «Просто чудеса какие-то!» — думали мы, рассматривая необычный конверт, внутри которого оказалось письмо из Лос-Анжелеса и... сказки. Да-да, самые настоящие сказки! А кроме того, такие удивительно теплые, трогательные слова...

«Который раз начинаю Вам писать — и рву которое уже письмо, ибо все, что не напишу — не то. Ну, что еще можно написать честнее тех людей, которые проходят через Ваш журнал? Я преклоняюсь перед ними, перед их добрым Духом, ласковой душой. Их голос доходит до самых бескрайних далей. Во всяком случае, до Los Angeles'a — дошел. Я живу в Америке уже одиннадцать лет. Актер. Скорее, был актером. Пишу сказки. Публиковался в разных изданиях — «Панорама», «Armenian Lite», предлагали печататься в альманахе «Сталкер», в других газетах, но... я не смог дать согласие. И вот «Поле Надежды»... Я был бы счастлив, если бы Вам что-то из моих сказок понравилось.

Аветис Хримян»

Сказки Аветиса нам понравились. И с некоторыми из них мы решили поделиться с вами...

Понять его было просто: люди привыкли к его жестам, движениям рук, выражению глаз. Впрочем, он не так уж и часто обращался к людям, а если и обращался, то с очень безобидными просьбами. Очень редко, неназойливо, как-то робко подходил он к кому-нибудь, складывал ладони на груди и что-то мычал, или лепетал, потом протягивал руку и, склонив просительно голову, тихо ждал.

Он всегда был окружен детьми и собаками. Дети, как и собаки, видимо, не понимали, что он нем. Да и вряд ли им нужно было разговаривать. В эти секунды он становился одним из этих детей или собак, и порой дети и собаки издавали такие же звуки, как и он. Стаи

НЕМОЙ

воробушек не разлетались, завидя его, а иной раз даже садились ему на плечи и клевали из его рук.

Никто не видел, когда он спит, хотя у него была небольшая лачуга, но если там его и заставали, то обычно с каким-нибудь животным, которого он лечил, что-то ласково мыча при этом. Делал он это часто и, пожалуй, как-то странно: смазывал чем-нибудь, потом обнимал, прижимал к груди или лнул головой и, тихо постанывая, некоторое время оставался неподвижным. И странно: животное тоже, закрыв глаза, замирало.

Встретить его можно было повсюду: в лесу, в горах, у моря — и всегда он или что-то собирал, или неподвижно сидел, устремив застывшие глаза куда-то в пространство, на что-то, видимое только ему. Мог часами стоять у какого-либо дерева или ручейка, и при этом лицо его бывало удивительно умиротворенным; казалось, он говорил с ними, и они отвечали ему, что-то очень доброе и ласковое...

Деревня была добрая и, пожалуй, веселая. Праздники чередовались один за другим. Люди веселились, дарили друг другу подарки. Вечерами на море зажигали разноцветные огни. Это было очень красиво, когда внизу, под скалой, темная вода скрывалась в темноте, и огни висели где-то в пространстве — казалось, опрокинулось небо со звездами.

Но ничто не могло сравниться с праздником песни. Съезжались лучшие певцы, и каждый показывал свое искусство. Прекрасные голоса поднимались к небу и окутывали деревню. Даже все певчие птицы вокруг замолкали и

заслушивались. Победителя ожидал венок прекрасных цветов, а главное, он получал имя — «Золотой соловей».

Люди ходили в приподнятом настроении: завтра был как раз этот долгожданный день. Деревня была празднично убрана, площадь, где должны были состязаться певцы, была вся в цветах, ковром была устлана возвышенность для поющего. Когда прошел день и наступил, наконец, вечер — зажглись огни, и выступил первый певец. Жители деревни и многие приехавшие расположились вокруг, детишки сидели на деревьях. Звездное небо, луна, запах и чуть слышный шум моря, освещенная возвышенность для поющего, сам певец в красивом наряде — все это делало реальность сказкой.

Певцы сменяли друг друга, один лучше другого, поднимались на холмик, отдавая на суд людской свое искусство. Люди щедро проявляли свою признательность выкриками одобрения, рукоплесканием, цветами. Вся площадь вскоре была в цветах. Трудно было сказать, кто лучше. Каждый имел что-то только ему присущее: голос ли, или виртуозно переданные переливы мелодии, или зажигательный ритм, или просто умение проникновенно петь. Выбрали того, кто обладал почти всеми этими способностями. Надели венок из красивейших полевых цветов, которые собрали самые красивые девушки, и во всеулышание объявили певца «Золотым соловьем».

Было уже далеко за полночь, когда собрались расходиться. И вдруг на площади появился немой и начал что-то мычать на своем немом языке, что-то

объяснять жестами. Подумали: есть хочет, дали — отказался. Может, денег? Тоже не взял. Что же? Кто-то в шутку спросил:

— Может, хочешь спеть?

Немой радостно закивал головой. Удивлению жителей не было конца. Тот же голос крикнул:

— Так пой же!

Стало тихо.

Немой запрокинул голову, закрыл глаза, раскинул руки — и...

Жалобные звуки вырвались из его страдальчески открытого рта. Казалось,

кто-то горько плачет, кто лишен любви, но очень жаждет ее. Теснящие грудь звуки лились из него. Вдруг завывли собаки, жалобно заплакали умолкнувшие были птицы, тоскливо зашумел лес, со стоном вздохнуло море...

Немой умолк, опустил руки, открыл глаза и полными озерами посмотрел на людей. Не награды он ждал, не славы. Вроде сам что-то хотел отдать. Взгляды людей утонули в глазах немого. И вдруг у каждого в груди родилась песнь, и на миг слились сердец биения: каждый стал звездой, и мошкой, и ветром, и скалой.

ЧАС ВОЛКА

Ночь наступила неожиданно, и пока что-то можно было еще разобрать в лесу, я решил устроиться на ночлег. Выбрал небольшую полянку, нашел место для костра, для спального мешка; набрал сухих веток, зажег костер и начал готовить себе ужин. Поев, я еще долго смотрел на догорающий костер, на отлетающие искры. Ни о чем не думалось. Огонь завораживал, красным цветом покрывал все вокруг, стирал мысли и заставлял расширенными зрачками, не мигая, любоваться собой.

Чей-то вздох вывел меня из оцепенения. Подняв глаза от огня, я увидел стоящего перед костром огромного волка. Я замер. Волк смотрел на меня, пристально, в глазах его плясал огонь. Страх липким потом выступил на моем лбу. Волк не отводил взгляда. Потом, опустив глаза, посмотрел на костер: долго, задумчиво. И вдруг лег перед ним, положив крупную голову на лапы, прикрыл глаза. И опять я услышал тягелый вздох.

Мое оцепенение немного прошло. Я начал немного соображать, попытался незаметно нащупать какую-нибудь палку или головешку.

Волк приоткрыл глаза, посмотрел на меня, казалось, с любопытством, потом опять прикрыл, и опять его бока опали разом от очередного вздоха. Этот вздох меня неожиданно успокоил. Я вдруг понял, что в ближайшие минуты мне не грозит опасность.

Костер, тем временем, догорал; темнота начала тисками напирать на огонь. Волк открыл глаза, посмотрел на костер, потом на меня. Я подбросил веток — огонь опять ожил. Волк утомленно вновь прикрыл веки. Казалось, дремота одолевает его. Я был в недоумении: волк, не боящийся огня?

— На рассвете меня должны убить...

Сердце мое упало куда-то далеко вниз. Мир закачался. Стало трудно дышать. Я не понял, что происходит. Огля-

нулся — показалось, что за деревом, к которому прислонившись я сидел, кто-то есть. Но там была лишь ночь. Я боялся повернуться опять к костру.

— На рассвете меня растерзает моя стая, — говорил волк. Не открывая глаз. Не двигаясь.

— Это закон стаи: убивать волка, нарушившего обычай стаи.

Я попытался издать хоть какой-то звук, но тщетно. Волк открыл глаза, посмотрел на меня, потом на огонь. Смотрел долго. Потом сказал:

— Огонь. Тепло.

Наконец, что-то у меня вырвалось:

— Почему? Тебя... зачем убить хотят... тебя?

— Я нарушил закон волчьей стаи.

— Какой закон?

— Я не убил ягненка.

— Почему не убил?

Волк долго смотрел на меня.

— Не знаю. Вот и тебя не могу убить.

— А другие?

— Другие могут. Убьют. И меня, и тебя, и ягненка.

— Ты можешь убежать.

— Не могу. От стаи не убежишь.

— Ты можешь убежать в другой лес, в другую стаю, далеко.

— От стаи не убежишь: она и во мне.

Да и не хочу я убежать.

— Все волки говорят?

— Нет. Только те, которые не убивают ягнят... и которых потом убивает стая.

— Значит, ты не первый?

— Не знаю. Других я не видел.

— Но слышал?

— Нет, не слышал.

Казалось, протяни руку — и во Вселенной окажется та рука.

Но... Люди отвели свои глаза и уперлись опять в камень и траву, в друг друга и на себя. И опять серый цвет окутал их глаза, и звезды оказались далекими, как никогда. Площадь опустела. Только немой стоял в свете угасающих огней. Один. Закрыв глаза, опустив обессиленные руки. Странная тишь окружала его, никем невиданная и неслышанная. То было кусочком бесконечного молчания, песней вечности, на миг опущенной на плечи и голову немого.

Волк поднял голову, посмотрел на звезды.

— Приближается час волка. Стая ждет меня.

— Хочешь, я пойду с тобой и спасу тебя?

— Стая во мне, она убьет меня. Пройдет еще много времени, пока одинокий волк сумеет убить в себе стаю. А пока, я могу лишь не убивать ягненка.

Волк поднялся, опустив голову, постоял немного перед костром, потом повернулся и медленно растворился в ночи.

Костер, потрескивая, догорал.

Где этот час волка? Когда он наступает? Может, уже наступил? И стая уничтожает одинокого волка? Значит, это не час волка, это — час стаи. А час волка не наступил еще. Но он есть — час волка. Есть. На рассвете. Когда волк идет на стаю. Когда за волком блеет агнец.

ОРЛЁНОК

Где-то на земле, куда не ступала еще нога человека, высились огромные скалы и горы, за которые цеплялись облака. Горы эти были местом обитания многих птиц и зверей. У подножия горы жили серны и лани, чуть выше — горные козлы и бараны, еще выше — стрижи и ласточки, а еще выше — соколы. И у самой вершины — короли неба, орлы. Удивительное согласие царило на этой горе: те, которые жили внизу, никогда не стремились занять жилища верхних, а те, которые жили наверху, считали, что не смогли бы жить внизу. Каждый был доволен своей судьбой и благодарен за свою участь.

Весной появлялось новое потомство. Оно росло, играло в брачные игры — и опять приходила весна... Но вот однажды весна, вроде бы, чуть замедлила свой обычный ход. Вроде бы, чуть споткнулась. Что-то было не так на горе. У одной пары орлов один из птенцов родился без крыльев...

Весть разнеслась до подножия горы: бескрылый орленок родился. И все подняли головы вверх, к вершине, где, в гордом молчании, у гнезда сидели орлы. И никто из живущих внизу не осмелился пожалеть их.

Орлы ничем не выделяли бескрылого орленка: так же кормили, как других, так же укрывали от солнца и дождя. Да он почти и не отличался от своих братьев: был такой же прожорливый и беспокойный. Вот только бескрылый. Все на горе его так и прозвали — Бескрылый.

Шло время, орлята подрастали, крепли, пух постепенно сменялся перьями, огромные клювы твердели, а когти делались все острее и длинней. Рос и Бескрылый. Но если у остальных крылья делались все сильнее и шире, то у него они оставались как при рождении.

Когда пришло время полетов, подросшие орлята, один за другим, срывались из гнезда и, неумело размахивая крыльями, делали круги около горы. И только Бескрылый недоуменно барахтался в гнезде... Целыми днями сидел он в гнезде, наблюдая, как парят в вышине орлы, и единственной радостью его было слушать братьев, которое, устав от полетов, спускались и рассказывали ему о своих переживаниях и впечатлениях. Камнем сидел Бескрылый в своем

гнезде, смотря, как встает солнце, как оно заходит, как зажигаются звезды и как они гаснут.

Прошло время, братья стали строить свои гнезда и все реже заглядывать к Бескрылому. И вот, однажды, прилетели они к нему в последний раз. В этот вечер Бескрылый осмелился, наконец, попросить их о том, о чем давно мечтал. Он попросил братьев сделать так, чтобы он, с их помощью, смог бы хоть немного полетать — один единственный раз. Братья сперва удивились и хотели отказаться, но Бескрылый так горячо умолял их, что они не выдержали и согласились.

Была ночь, и они решили лететь утром. Всю ночь не сомкнул глаз Бескрылый, всю ночь взволнованно билось его сердце. Ночь тянулась, как вечность... Утро он встретил, дрожа всем телом. Братья нашли крепкую палку, схватились когтями за концы, Бескрылый схватился за середину — и они взлетели. Сердце затрепетало, дыхание прерывалось, от волнения он не мог ничего сообразить, перед глазами был туман. Он летит. Он, бескрылый, в воздухе! Безграничная радость и ликование захватили орла.

— Выше, выше, — просил он братьев. Те поднялись выше.

— Еще выше! Еще! Поднимите меня к Солнцу! — просил он братьев. Те поднялись еще выше.

— Еще выше, еще, — сумасшедшая радость охватила Бескрылого. С горящими глазами рвался он высь, к Солнцу.

— К Солнцу! К Солнцу! — кричал он.

— Дальше мы не можем, — задыхаясь, ответили братья.

— Ну, прошу вас, — умолял Бескрылый.

— Нет. Все. Это наш предел, — отвечали братья.

— Тогда я полечу один! — крикнул он и разжал когти.

С торжествующим криком камнем понесся бескрылый орел вниз. Братья ринулись было за ним, но остановились от крика: «Лечу!»

— Летит! — закричали они.

— Летит! — закричали горы и птицы.

— Летит! — закричали земля и звери...

— Я лечу к Солнцу! — кричал бескрылый орел, стремительно падая на Землю... Орел летел к Солнцу.

КОНЬ

Земля была юной и девственной, и от нее поднимался только лишь аромат будущего. Горы, леса, озера только-только расстались друг с другом и впервые бросили взгляд на самих себя. Воздух, окружавший землю, еще недавно был дыханием земли. Нехотя расставались друг с другом утро и вечер, ночь и день. Небеса впервые пролили на землю свои слезы.

И был конь. Белогривый, златоглазый. С улыбающейся душой. С диким первозданным ржаньем. И предназначенье ему было — быть мечтой. Недосягаемой, но зовущей, вечно ускользающей, но ждущей.

И радостно было тому коню. Радость была ему дорогой. Радость была его дорогой.

Но внизу копошились хмурые люди. Не поднимая глаз, не видя радости.

Стало грустно коню. Стало тесно радости.

Замедлил свой вечный бег. Прыжок был ярким и стремительным, как вспышка любви. Ибо прыжок был вниз. Впрягся конь в людские сердца, потянул вверх, к мечте, к радости.

Но руками схватились за сердца свои люди, потянули вниз, от мечты, от радости.

Захрипел конь, забился.

И остался лошадию у людей, среди людей, для их повседневных забот, чтобы было меньше тяжести и был короче путь.

Но остался след в сердцах людей, как улыбка, как каждодневное «здравствуй», как робкое поглядывание вверх — туда, где сиротливо ждуть радость и мечта.

Ждут коня. Белогривого. Златоглазого. Который придет. Придет медленно, осторожно. Потому что рядом, с улыбкой на лице, будет идти человек.

Выходя из кабинета председателя ВОИ г. Кирова, я держал в руках только что подаренную мне небольшую книжку в цветной обложке.

Это был недавно вышедший сборник стихов Надежды Чесноковой. Сам председатель в недолгой беседе со мной очень тепло отозвался об авторе сборника, хотя знал ее совсем немного. Живет Надя в небольшом городе Туша, что находится в ста километрах от Кирова. Передвигается она с помощью коляски, отчего очень редко появляется на различных мероприятиях и праздниках. Однако ее творчество настолько полюбилось многим, что было решено выпустить отдельный сборник... Тогда я еще не знал, какой мне сделали необыкновенный, прекраснейший подарок!

Дома, отдыхая от девятичасового переезда на автобусе, я взял эту книжку и... зачитался. Легкие, простые стихи строчка за строчкой увлекли меня. Я был приятно удивлен тем, что в них она не сетует на трудности, не требует ничего для себя. Лишь робкая, нежная просьба — говорить тихонько о любви, — яркой строчкой блеснуло в одном стихотворении...

«Она, должно быть, очень хорошей человек!» — подумалось мне с желанием когда-нибудь с ней познакомиться. И хотя все мои попытки связаться или хотя бы узнать о ней побольше не оказались успешными, я был уверен, что ее стихи мы обязательно опубликуем в журнале.

Андрей Казак

РАННЕЕ УТРО

В четыре часа просыпаюсь.
Еще и петух не поет.
Застенчиво улыбаясь,
Лишь красное солнце встает.
Так тихо. Ни звука, ни ветра,
Такая кругом благодать!
И только рыбак километры
Отправился к речке мотать.
Не спится ему. В самом деле —
Какой уж тут сон — не до сна.
Ведь ждут его сонные ели
И светлой воды глубина.
Рыбацкое счастье впридачу
Сегодня придет к нему пусть.
Встречают рассветы — к удаче.
А спать? И зимой отосплюсь.

Надежда Чеснокова

Вновь осень золотая,
А на душе — весна!
Пусть думают-гадают,
В кого я влюблена.

Кому какое дело,
Зачем пишу стихи.
Замаливаю смело
Я в них свои грехи.

Косятя след соседки:
У ней огна любовь...
Я душу, словно клетку,
Распахиваю вновь,

Чтоб отпустить жар-птицу
В прекраснейший полет.
Кто слетел не боится,
Тот радостней живет.

Одиночества нет,
Я давно поняла.
Очень прост мой секрет:
Надо делать дела.

Не страдать, не скуility
О тяжелой судьбе.
Просто нужно быть
И другим, и себе.

А когда подождет
Сердце злая тоска,
Помни — это пройдет,
Хоть и больно пока.

И покажется свет
За окошком твоим.
Одиночества нет.
Так о чем мы грустим?

Я сегодня не хочу о грустном
В час вечерний говорить с тобой.
Дрожь в коленях до седьмого хруста
У меня пройдет сама собой.
Буду я веселой и нарядной
Говорить о чем-то невпопад.
Милый мой, хороший, ненаглядный,
Неужели встрече ты не рад?
Ты пойми, мне многого не надо,
Не шути о браке и семье.
Скрипнула калитка палисада.
Стукнул дождь по выцветшей скамье.
Ветер зацепил неосторожно
Спутанные волосы мои.
В час вечерний, если только можно
Говори тихонько о любви.

ЧЕЛОВЕК рядом с тобой

Рыбалка для меня все! В это время я забываю обо всех своих болячках!

Как часто мы даже не задумываемся над тем, что все живущие связаны между собой незримыми ниточками, и цепочка произошедших событий совершенно незнакома и чужога для тебя человека может повлиять и на твою собственную жизнь. Порой это так встряхивает, что ты уже просто не можешь жить как прежде. И ты начинаешь понимать всю меру ответственности за свои слова, поступки и действия...

больные. Из-за этого разыгрывались настоящие трагедии, они спивались, опускали сами себя на дно жизни!.. Разве это выход? — говорит Сергей. — Человек должен быть творцом своей судьбы, а не загонять себя в тупик!

Он прав. К сожалению, встречаются среди людей такие, которые невольно вызывают жалость от бессмысленности такого бытия. Нет ничего проще, как плыть по течению. Конечно, это горе и несчастье, что ты не такой как все... Но, может, это и есть твой шанс развить в себе те качества, какие в других случаях просто-напросто останутся неостребованными? Жизнь как бы говорит нам: «Докажи, что ты человек, что имеешь право им называться!..»

Сергей дал мне прочесть свои рукописи. На одном дыхании прочла я его фантастические произведения: «Зеленый пилот», «Роксана и Россандра», «Легенда о семнадцатом» и многое другое... Далекие миры, неизведанные галактики и межзвездные пространства... Признаться, было удивительно сознавать то, что мне жаль расставаться с героями. Я ведь отнюдь не любительница фантастики, хоть и считаю себя всеядной.

Этот выдуманный мир, где герои борются со злом и насилием, утверждая справедливость и добро, не оставляет безучастным. В его произведениях красной нитью проходит тема экологии человеческой души, насущная проблема сегодняшнего дня. Хотя, наверняка, эта тема будет таковой, пока будет живо человечество... Жаль, что эти рукописи пока не могут увидеть свет из-за отсутствия средств у автора. Останется только надеяться на то, что когда-нибудь не только близкие люди смогут познакомиться с творчеством этого талантливого человека, который творит в стол, преодолевая адскую боль.

— Нет. Я бы не смогла ни дня прожить на Сережином месте, — грустно

призналась Нина в одном из откровенных разговоров, и в ее голосе слышалась ласка и забота. — У него такие сильные боли! И несмотря на это, он у меня сам справляется на кухне, готовит, хотя очень часто бывает так, что ручка или нож (при письме и чистке картофеля) выпадает из рук.

— А я же должен хоть что-то делать, раз сижу дома?! — ответил Сережа на мою реплику о том, что трудновато больному возиться на кухне. — Это мне по силам. Жена придет с работы — обед готов.

Свою вторую половинку Сергей шуточно величает «товарищ генерал», скромно поясняя: я ведь у нее нахожусь в подчинении. А Нина заливиство хохочет.

— Он у меня еще не такое скажет, только слушай!..

Да, остроумия ему не занимать. Конечно, всякое бывает в жизни, но как я поняла, Сергей старается не терять присутствия духа. Это очень сложно в нынешней ситуации. Переживая очередное обострение болезни, он воодушевленно замечает, что самая хорошая восстановительная терапия для него — рыбалка.

— Рыбалка для меня все! В это время я забываю обо всех своих болячках! Да еще когда занят делом — я забываюсь. Нет ничего хуже, чем находиться наедине со своими мыслями и болью. Тогда, кажется, не за что зацепиться, чтобы выбраться на поверхность... я в минуты отчаяния бываю таким несносным! Как только терпят меня близкие? — задумчиво говорит Сергей.

Я с ним согласна, что отчаяние — наш бич, и это зачастую губит нас. И очень важно вовремя подать руку, особенно тому, кто находится вблизи. Мужество тех, кто находится рядом с нами, помогает нам оставаться на плаву.

Людмила АНДРЕЕВА,
г. Шумерля

ПРИКЛЮЧЕНИЯМ навстречу

Спуск выглядел не таким уж крутым, и казалось, ничто не предвещало трудностей. И вот наш ПАЗик, весело покачиваясь, устремился вниз по склону навстречу сияющей бликами темно-синей глади.

День был замечательный! Яркое солнышко, свежий ветерок, шум деревьев и плеск волн — все это так манило к себе, что усидеть в душном автобусе было просто невозможно. Большое озеро радостно распахнуло нам свои объятия, и мы весело и шумно начали выгружаться. Казалось, впереди нас ждет чудесный долгий день, где будет непременно уха, приготовленная на костре, будут прогулки вдоль берега и отдых у самых волн, и еще какие-нибудь приключения...

А между тем, приключение, оказавшись, нас уже поджидало совсем близко. Пока мы устраивались на берегу, сзади, со стороны леса, незаметно подползла большая черная туча. И вдруг вокруг все так потемнело, и такой ветер поднялся, что мы прямо растерялись. Что делать? Идти назад в автобус? А может, пронесет, и гроза пройдет мимо? Ага, а если как хлынет! Мы ведь не сможем быстро залезть обратно в автобус, с нашими-то костылями и колясками.

И точно, хлынуло резко, и сразу — как из ведра. Нет, даже из нескольких ведер! И с веселыми визгами, мы все, кто как мог, ринулись обратно в автобус. Промокшие и веселые, укутавшись во что попало, мы сидели и смотрели на стену дождя за окнами и извилистые змейки молний...

Летние ливни обычно длятся недолго. И уже через полчаса все кончилось. Гроза ушла, а природа, умывшись дождем, стала еще прекраснее. Все было замечательно! Мы снова выбрались из автобуса и уже окончательно собирались разместиться для отдыха на берегу. И тут вдруг выяснилось, что ливень был таким сильным, что размыл всю дорогу. Подняться обратно по склону автобус уже не мог, даже пустой.

— Все, ребята, приехали! Будем здесь ночевать, — пошутил кто-то.

— А правда, если к вечеру не просохнет, не доберемся ведь обратно, — испугались девочки.

Вот так мы и путешествуем: кто на ногах, а кто на руках, на чьих-то. Конечно, это не совсем удобно, особенно когда приходится тащить с собой еще и всякие костыли да коляски. Но разве это нас остановит! Мы уже привыкли почти каждую неделю летом выезжать куда-нибудь — на отдых, или на поиски приключений на свою голову (когда как повезет). И все это — благодаря нашему замечательному чебоксарскому клубу «Доброта и Мир».

— Конечно, не доберетесь, — хитро улыбнулся Лешка. — К вечеру еще дождь будет, вообще все размочет.

— И нас в клубе, наверное, потеряют. Мы же должны вернуться к восьми вечера. Еще, чего доброго, милицию вызовут!

— Ну и пускай, — бодро сказала Татьяна. — Нельзя, что ли, хоть раз в жизни потеряться? И так всю зиму в четырех стенах сидим. А тут хоть погуляем как следует. Рыб наловим, костер разожжем, уху сварим — не пропадем!

— Ой, ребята, а ведь это настоящее приключение!

И правда, это же такое приключение! Почти как в книгах — мы словно оказались на острове, а обратно выбраться не можем. Да это же здорово! Подумаешь, для ночевки ничего не взяли. Да разве мы спать будем? Мы будем всю ночь у костра сидеть, смеяться и рассказывать истории — вот будет потом что вспомнить! Да так хоть две ночи можно провести, куда нам спешить? И пусть хоть дождь будет, хоть ветер — не страшно! Лишь бы дома, в четырех стенах не сидеть...

Так мы и провели день — счастливые, как никогда. Рыб, правда, наловить не сумели, но зато сварили картошку на костре. И еще чай — такой душистый, ароматный, с травами. Представляете, как это замечательно: сидеть на берегу озера возле костра в кругу друзей, пить вкусный чай, смеяться чему-то и никому не спешить! Можно хоть всю ночь так просидеть...

Правда, ночевать нам все же не пришлось. Вытащили мы автобус. Солнышко весь день грело, и к вечеру дорога подсохла. Конечно, она все еще была мокрая, но мы старались. О, как мы старались и изо всех сил тянули и толкали наш ПАЗик вверх по скользкому склону! Даже костылями подталкивали. Нет, не потому, что спешили домой. Просто, стало интересно: сможем мы сами вытащить автобус, или нет? Вытащили! Да еще и потом по пути несколько других машин помогли вытащить (оказывается, не мы одни застряли у озера из-за ливня). Вот это картина была: инвалиды вытаскивают машины

здоровых людей! И чтобы нас после этого называли людьми с ограниченными возможностями? Да кто так говорит, просто ничего не знает о нас! Видели бы они, как мы тащили тогда автобус, а потом еще и машины других, здоровых!

Да, нам есть что вспомнить! И как мы плутали в поисках грибов и ягод в марийских лесах. И как катались на катамаранах по Волге в «Солнышке». Как жили на пристани в уютных каютах плавучего домика под названием «Шашкары», как сидели у костра на берегу Астраханки. И даже как застревали зимой в узких заснеженных переулках города, по дороге домой...

И пусть кто-то все еще думает, что мы — беспомощные, скучные, пассивные и ни на что не способные. Но мы верим, что однажды на нас взглянут совсем по-другому, ведь мы действительно — другие. Мы самые обычные. Нам просто многое дается труднее.

«Жизнь большинства инвалидов подобна жизни пожизненно заключенных: все время в четырех стенах, — признается директор клуба «Доброта и Мир» Татьяна Васильева. — И нет никакой надежды, что однажды освободишься и побежишь. Поэтому мы рады каждому глотку воздуха, каждому лучику солнца, и даже сильному ветру и холодным дождям».

И порой, вспоминая все это, я невольно думаю: наверное, мы были бы самыми заядлыми и преданными путешественниками на земле. Если бы только могли...

Саша ИЛЬИН

Я, ЛУК И МИШЕНЬ

В спорте легких путей не бывает. И у каждого своя стезя. Кого-то заманила в спорт слава кумира, кого-то за руки привели папа или мама, у кого-то родители сами спортсмены.

Ну, а если ты прикован к коляске или с трудом передвигаешься на костылях? Нет, не думай, что путь в спорт тебе заказан. Но придется мириться с тем, что трудностей и преград будет вдвое, а может и втрое больше, чем у обычных спортсменов...

И все-таки, это не останавливает тех, для кого спорт стал неотъемлемой частью жизни. И с одним из таких людей — неоднократной чемпионкой Всероссийских соревнований по стрельбе из лука и призером чемпионата Европы Натасей Зайцевой — я и хочу вас познакомить.

— Наташа, как получилось, что ты начала заниматься именно стрельбой из лука?

— Как-то раз на Новогоднем празднике мои друзья, занимавшиеся стрельбой из лука, предложили мне попробовать свои силы в этом виде спорта. Так я попала в группу лучников. Мне эти занятия понравились, и с тех пор вместе с ними я хожу на тренировки, участвую на соревнованиях.

— Стрельба из лука — древнейший, красивейший вид состязаний. Но когда женщина держит лук с натянутой тетивой и посылает стрелы точно в цель, это выглядит особенно грациозно.

— Конечно, красиво. Может, это и привлекло. А вообще, спорт дает мне больше возможности двигаться, расширяет мою жизнь. Есть определенное занятие, есть стимул... Для инвалида это важно. Кроме того, есть возможность выйти в люди, общаться, посмотреть мир, побывать в других городах и даже странах.

— За шесть лет, наверное, выработалась какая-то система занятий? Или приходится заниматься, как получится?

— Нет, существует определенная методика у тренера. Мы занимаемся три раза в неделю по три часа. Перед соревнованиями требования становятся более жесткими — тренировки пять раз в неделю. А занимаюсь я в последние несколько лет с Зинаидой Гурьевной Савельевой.

— Успехи зависят от взаимоотношений с тренером...

— Естественно. Первая моя победа произошла как раз с помощью Зинаиды Гурьевны. Сначала она подошла ко мне, чтобы поправить в чем-то. И мы как-то сразу друг друга поняли. Нам легко друг с другом работать. Результаты говорят

сами за себя: четыре первенства на чемпионатах России. На Чемпионате Европы в Бельгии удалось завоевать серебряную медаль. Для меня это очень много значило. Ведь я никогда до этого не была за границей, все было так необычно и неожиданно.

— Хочется узнать, а как там, за рубежом?

— Сразу бросается в глаза, что отношение к инвалидам абсолютно другое. Когда прилетели в Амстердам, я в аэропорту заметила, что инвалиды, даже если на колясках, могут летать без сопровождения. Обслуживание поставлено на такой высокий уровень, что это вполне реально.

— Инвалид один может справиться со всеми операциями по покупке билетов, регистрации, прохождению контроля, посадке и высадке?

— Да, полностью идет обслуживание. Ты можешь заказать билет. Когда предъявляешь его при посадке, сразу сообщается на борт, что среди пассажиров будет инвалид. Это вполне достаточно. И никакой доплаты не нужно.

— А как обстоят дела со злополучными бордюрами, ступеньками, есть ли пандусы?

— Там в городе, помимо проезжей части и тротуара, идет специальная велосипедная дорожка, которую инвалиды на коляске могут использовать для передвижения. А бордюры там не такие высокие, как у нас, и не представляют собой препятствие. Вообще, там инвалидам, как мне показалось, проще жить. У нас же всего приходится добиваться самому. Например, чтобы добиться высоких результатов в спорте, нужны регулярные занятия, а мне как инва-

лиду 1-й группы сложно добираться на общественном транспорте на тренировки через весь город. Очень часто приходится тратиться на транспорт и на другие спортивные цели. И все за счет скудной пенсии...

— Вообще, чтобы быть спортсменом, тем более инвалиду, нужна железная воля. Какие физические и психологические качества важны для лучника?

— Здесь особенно важно терпение. Стрельба из лука такой вид спорта, где нужно все учитывать: как сидишь, как дышишь, как работает каждая мышца — за этим нужно вовремя проследить и думать только о том, как правильно и точно выпустить стрелу. Как говорит мой тренер, надо относиться к стрельбе из лука как к молитве. Есть ты, есть лук, есть мишень. Больше ты ничего не должен видеть, ни о чем другом не думать. Особенно на соревнованиях — там ведь еще присутствует жуткое волнение, с которым приходится бороться. Если учесть, что на разных дистанциях приходится выпустить 60 стрел или больше, то можно представить, какую физическую и нервную нагрузку мы получаем.

— А у тебя есть мечта?

— Хочется, конечно, победить на Чемпионате России и на Европейском уровне, чтобы попасть на Паралимпийские игры. Но не знаю, как получится. А вот поездка туда ближе к реальности.

— А вообще, что тебе помогает в жизни и в спорте? Может, у тебя есть кумиры, на которых ты ориентируешься?

— Я считаю, что должен быть кто-то, на кого можно равняться, но каждый человек должен себя строить сам. Просто равняться и копировать кого-то в каких-то отдельных случаях, пожалуй, можно, но если взять в целом, я стараюсь быть самим собой.

— А мама?

— Мама, конечно, пример. Она с малых лет очень мудро поступала со мной, обращаясь как со здоровой девочкой. То есть, я, как и все дети, должна была убираться по дому, помыть посуду, постирать. Может быть, ей было трудно это делать, но с возрастом я поняла, что таким образом она помогла мне, научила не раскисать.

— Ты, действительно, очень подтянутая, красивая девушка. В спорте это помогает?

— Как? Это же не конкурс красоты (смеется)! Другое дело, когда утром, вставая, глядишь в зеркало и видишь там красивое лицо, то улучшается настроение. Хочется дальше стараться, добиваться результатов. Хочется, чтобы у всех все было хорошо, чтобы люди не унывали, даже если порой приходится трудно.

Владимир СУРКОВ

Наши читатели, возможно, помнят, что в предыдущем номере мы немножко рассказали о нашей работе и о том, что, помимо журнала «Поле Надежды», мы выпускаем также и другие издания, адресованные, прежде всего, специалистам, работающим с больными детьми. На этот раз мы решили продолжить эту тему и познакомить вас также с другими издательскими центрами, выпускающими книги, которые для вас могут быть наиболее интересными и полезными.

Итак, знакомьтесь: Редакционно-издательский центр ЗДРАВСТВУЙ (г. Пермь).

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Здравствуй

общество с ограниченной ответственностью
(ООО РИЦ «ЗДРАВСТВУЙ»)

Пермской областной общественной организации ВОИ

КНИГИ ДЛЯ ВАС

Перевод английского автора Д. Кастона **«Сделай свой дом удобным, если возраст или здоровье подводит»** с подробным описанием, иллюстрациями и чертежами приспособлений, которые помогут: вставать с кровати, резать овощи, работать с инструментами, ухаживать за грядами, спускаться по лестнице, не испытывать неудобств в ванной, туалете, и многое другое.

«Тем, кто в коляске и рядом с ними» Л.Н. Николаева. Написанная спинальником, на основе личного опыта и многочисленных примеров из жизни других инвалидов-колясочников, она дает практические советы по уходу за телом, оборудованию жилья, выбору средств передвижения. Рассказывает о том, как использовать свои ограниченные возможности для адаптации в обществе и активного образа жизни, являясь, по сути, энциклопедией для спинальников.

Б. Ферман. **«Разорванный круг»**. Эта книга — исповедь человека на грани между жизнью и смертью. Небольшая по формату и недорогая по цене, она бесценна по той силе и чувствам, которые несет в себе и придает другим. В книге также дана краткая библиотечка книг об инвалидах и приведены особенно важные для них рецепты.

«Записки из параллельного мира» москвички Н. Титовой — о людях, волею судьбы родившихся или ставших инвалидами. Особенности жизни и быта людей с ограниченными возможностями, отношение общества к ним, проблемы взаимоотношений здоровых людей и людей больных — вот что является предметом раздумий автора, человека, знающего эти проблемы изнутри.

Графиня де Сегюр. **«Бесенок, или славный малый»**. Можно ли научиться таким непостоянным вещам, как терпение и сострадание? Как сохранить любовь, когда рядом жестокость и лицемерие?.. На эти и многие другие нравственные вопросы пытается ответить история жизни и любви милой слепой девочки и озорного мальчишки-сироты.

Растерянность родителей перед долгой, мучительной болезнью своего ребенка понятна. Вот почему предпринято издание серии **«В семье больной ребенок»**. I и II тома посвящены проблемам лечения детей-хроников, детей-инвалидов. Высоквалифицированные врачи-специалисты рассказывают о причинах, проявлении и лечении аллергических заболеваний и бронхиальной астмы, диабета и гастроэнтерологических болезней у детей. Выпуск IV посвящен Детскому церебральному параличу.

Родители, воспитывающие ребенка-инвалида! Сами пострадавшие! Знаете ли вы о своих правах и законах, защищающие эти права, о льготах, о тех, кто должен помогать вам по долгу службы? Если нет — поспешите заказать юридический справочник о правах и льготах **«Жить, как все»**. В доступной форме, подробно, ссылаясь на законы, акты и постановления, он ответит на многие ваши вопросы, подскажет и поможет отстоять свои права.

Узнать подробнее об изданиях РИЦ «Здравствуй» или заказать их вы можете, обратившись по следующему адресу и телефону:
614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

Тел./факс 48-58-24. E-mail: hello@Permonline.ru

Галина ЗИМИНА

ЧУДО

А напоследок мы хотим подарить вам небольшое чудо. Или хотя бы надежду на чудо. А может, просто веру в чудеса. Веру, без которой нам никак нельзя. Наша жизнь и так стала настолько обыденной и приземленной, что, кажется, в ней уже почти не осталось ничего сказочного и чудесного. Но ведь мы сами делаем нашу жизнь такой. И чудеса мы способны творить тоже сами. Помните «Алые паруса» Грина? Наверное, многие из нас в юности мечтали точно также проснуться однажды утром — и увидеть в окне плывущие навстречу паруса своей мечты. Но чтобы это случилось, мы сами, наверное, должны быть такими, как Грей и Ассоль... Сохранить свое сердце добрым и чистым, быть скромными и наивными, верящими в сказки и чудеса, даже если все вокруг уже ни во что не верят — может быть, это и есть чудо, самое большое, самое настоящее? Чудо, на которое способен каждый...

Однажды она проснулась другим человеком. Однажды она проснулась совсем другая! Не узнать было ее. И ноги у нее были ровные, прямые и крепкие. И когда она встала и пошла, она больше не спотыкалась и не ударяла пятками сильно. Так что и соседи с нижнего этажа ее не услышали. И это было чудо.

В ванной она прекрасно умылась, а не тыкалась невпопад скрюченными пальцами себе в нос и глаза, обливая себя водой с головы до ног, как бывало. И это было чудо.

Потом она погладила кота Тишку, который старательно терся об ее ноги, благодаря ее за то, что она есть. И сказала ему доброе слово. Доброе слово она произнесла и для Бимки, коричневатого-серого щенка с белым ухом, которого она недавно приютила у себя. Бимка радостно завилал хвостом, потому что она показала ему другой, еще лучшей, чем всегда. И это было чудо.

А голос у нее был плавный, нежный, певучий. Настоящий женский голос! Без всяких заиканий, рубленых, скандирующих фраз — как обычно разговаривают «дипшники». Так она говорила вчера, а сегодня...

Сегодня своим голосом она могла бы заморозить любого! И это было чудо.

Она поставила чайник на плиту, не выплеснув ни капли воды. Зажгла спичку и поднесла ее к горелке, не погасив огонь по пути (от судорожных движений руки). И не растянута в очередной раз на кухне, споткнувшись об оставленный здесь с вечера свои тапочки. И надела она их сегодня сразу, с первой же попытки, а не тыкаясь в них ногами долго и бесплодно. И не злила ее сегодня

бессловесная обувка, которая раньше постоянно переворачивалась и ложилась верхом вниз, к полу. Как назло! И это было чудо.

Потом она села пить чай. И пила, ни капли не вылив его себе на грудь. Кружку она держала, о чудо, в руке, на весу, как все люди. И не надо было больше пить со стола, наклонив ее и придерживая обеими руками, осторожно, по мере своих возможностей. Иногда она опрокидывалась все же, не соразмерившись с центробежной силой, теряя равновесие, и заливала все вокруг кипятком. А главное, ее ноги. Но это было раньше, не сегодня. А сегодня? Сегодня было чудо.

После она спокойно, без проблем причесалась. Одежда любимое платье с замочком сзади. Сама застегнула тот замок. Рука отлично поднялась и зашла за шею, и сделала свое дело. Без чьей-либо помощи! Да и кто бы ей помог? Ведь живет она с некоторыми пор одна. С тех пор, как потеряла ту, которая подарила ей жизнь. Пусть хоть такую, но жизнь.

Одевшись, она ровно подкрасила губы. Никогда раньше так красиво не получалось! И это было чудо.

По лестнице с третьего этажа она спускалась медленно. Но не держась за перила. И даже намек не было на то, что она может с них скатиться колесом, — как было не раз. И даже не пришлось, как вчера, упасть через собаку, которую прихватила с собой на прогулку.

Всему этому было трудно поверить, но это было именно так. Просто Лена проснулась сегодня другим человеком.

Просто с утра заглянула в окошко весна. Просто она влюблена. И это настоящее чудо!

АСТРА И МАК

— Я люблю тебя, — прошелестел листьями мак.
— И я, — качнула лепестком астра.
— Но мы не рядом, — сокрушался мак.
— Да, — отвечала астра.
— И мы можем смотреть друг на друга только издали, — продолжал мак.
— Да, — вздыхала астра.
Ветер подслушал это и махнул крылом. Астра дрогнула и покачнулась в сторону мака. А мак собрал все силы и устремился ей навстречу.
На миг они оказались рядом...

Миг встречи... Миг расставания... Всего лишь на миг мы оказались рядом, всего лишь короткий миг соединил нас на этом большом, добром Поле. Но может быть, этот миг кому-то запомнится надолго. Кто-то, может быть, улыбнется. Кто-то пожмет плечами. Кто-то ничего не поймет. А кто-то, не желая расстаться с нами, вновь раскроет страницы журнала. И тогда мы пойдем, что все было не зря, что мы не зря собрались на нашем Поле, пусть даже на этот недолгий миг...

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Слово о литстудии «Слово»

Дорогие друзья! Если вы пишете стихи и хотите расширить свои знания и умения в области Поэзии, то эта информация — для вас. Мы хотим познакомить вас с заочной литературной студией «Слово».

В 1988 году группа поэтов-энтузиастов организовала при журнале «Россияне» издательства «Молодая гвардия» заочную литстудию, поставив перед собой цель: помогать тем авторам, которые хотели бы получить знания по теории поэтики, усовершенствовать свои навыки владения словом, но по какой-либо причине не имеют возможности учиться в государственных учебных заведениях.

Литстудией была проделана большая работа: найдены необходимые книги, прочитаны, законспектированы, пересказаны в понятном виде множество статей, составлены практические учебные задания для лучшего усвоения теории. На этой основе были сделаны необъемные, но емкие учебные пособия.

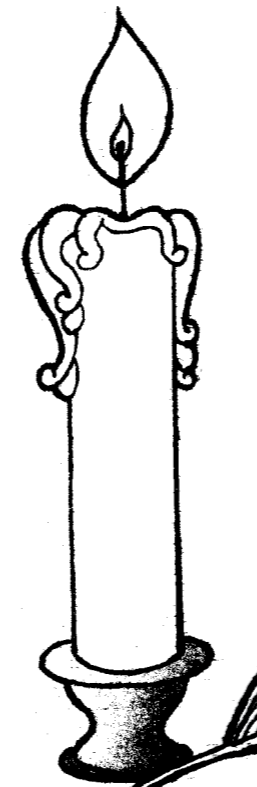
С самого начала литстудия определилась как добровольное сообщество людей, объединенных общим интересом — творчеством. Спонсоров у литстудии нет. Чтобы оплачивать текущие расходы, существует система взносов. Но они были и остаются весьма скромными. Курс «Поэтиминимум» рассчитан на 18 занятий. В литстудии можно получить консультацию по творчеству и вне процесса обучения. В отличие от других студий, литстудия «Слово» — полностью заочная.

Итак, добро пожаловать в литстудию «Слово»! Литературные консультанты студии готовы поделиться с вами своими знаниями. От вас же потребуются прилежание в освоении основ поэтики и неутомимая работа по совершенствованию своего мастерства.

Центр литстудии: 127276, г. Москва, ул. Академика Комарова, д. 3а, комната 7. Крылатый Геннадий Степанович.

По всем вопросам, в том числе вступления в литстудию, обращаться по адресу: 347460, Ростовская область, поселок Зимовники, переулок Мостовой, 8. Зенина Алла Васильевна.

Вкладывать конверт со своим адресом!

Мы не прощаемся. Мы надеемся, что однажды встретимся снова, что однажды нам вновь удастся, несмотря на трудности, сквозь пространство и время дотянуться друг до друга. Конечно, может быть, это будет непросто. Сделать что-то по-настоящему хорошее всегда непросто, и возможно, у нас не все получается так, как хотелось бы. Но мы будем надеяться, что та искорка Добра и Света, которую нам хотелось подарить вам, не пропадет бесследно, что она загорится в ваших сердцах с новой силой, и вы понесете ее дальше, другим — тем, кто больше всего нуждается в этом. И вы будете также помогать друг другу и стараться быть рядом с теми, кому одиноко и трудно, вы будете также преодолевать трудности и делать шаги навстречу жизни, вы будете также творить, любить и стремиться к Свету. И тогда Поле Надежды не исчезнет никогда! Что бы не случилось, оно всегда будет с вами, и вы всегда найдете к нему дорогу. Ибо это Поле будет жить в сердце каждого, кто еще не потерял Надежду, кто еще верит в Добро и стремится к Свету.

